Фольклор и антропология города, Т. 7. N. 4. 2025
Тип публикации: Статья

EDN: UTWAAW

Пословицы, мемы и эпистемология. Интервью с паремиологом

НИКИТА ВИКТОРОВИЧ ПЕТРОВ [1], [2]

✉ petrov-nv@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-2467-9535

ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА ЖИГАРИНА [2]

✉ ezhigarina@gmail.com
ORCID: 0009-0003-1327-0210
[1] Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
[2] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Петров, Н. В., Жигарина, Е. Е. (2025). Пословицы, мемы и эпистемология. Интервью с паремиологом. *Фольклор и антропология города, 7*(4), 162–204.

Статья и комментированное интервью с Еленой Евгеньевной Жигариной, специалистом в области структурной паремиологии и фольклористики, представляет собой аналитическое осмысление методологических принципов фиксации и исследования пословиц, поговорок и иных паремиологических единиц в условиях современного городского дискурса. В работе рассматриваются вариативность и полифункциональность паремий, динамика русского паремиологического фонда в XXI веке и смещение границ паремиологического пространства между поколениями. Раскрываются методологические подходы включенного наблюдения при полевой фиксации паремий, обсуждаются практические и этические сложности такой методики, анализируются феномены окказиональных паремиологических трансформаций и эфемерности современного паремиологического материала. Центральное место в интервью занимает вопрос о том, как традиционный фольклор адаптируется и трансформируется в эпоху интернет-культуры, цифровых мемов. Беседа критически обращается к эпистемологическим проблемам производства знания и рефлексивности исследователя — в частности, к напряжению между «научным голосом» и «личным голосом» при документировании и интерпретации современного фольклора. В работе подчеркивается важность насыщенного описания и интерсубъективности в фольклористическом исследовании. Исследование вносит существенный вклад в современные дебаты фольклористики, цифровой этнографии и лингвистической прагматики, освещая, как традиционные паремии сохраняются, гибридизируются и эволюционируют в контексте современной собирательской практики.

Дата поступления в редакцию: 11.11.2025
Дата рецензирования: 21.11.2025
Дата принятия к публикации: 26.11.2025
© Н. В. Петров, Е. Е. Жигарина

Urban Folklore & Anthropology V. 7. N. 4. 2025
Publication type: Article

EDN: UTWAAW

Proverbs, Memes, and Epistemology. An Interview with Elena Zhigarina

NIKITA V. PETROV [1], [2]

✉ petrov-nv@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-2467-9535

ELENA E. ZHIGARINA [2]

✉ ezhigarina@gmail.com
ORCID: 0009-0003-1327-0210
[1] Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

For citation:
Petrov, N. V., Zhigarina, E. E. (2025). Proverbs, memes, and epistemology: An interview with paremiologist. *Urban Folklore & Anthropology, 7*(4), 162–204. (In Russian).

This article and commented interview with Elena Evgenievna Zhigarina, a specialist in structural paremiology and folklore studies, offers an analytical reflection on methodological principles for recording and studying proverbs, bywords, sayings, and other paremiological units in contemporary urban discourse. The work examines the variability and polyfunctionality of paremias, the dynamics of the Russian paremiological fund in the twenty-first century, and the shifting boundaries of paremiological space across generations. It reveals methodological approaches to participant observation in field collection of paremias, discusses practical and ethical complexities of such methodology, and analyzes phenomena of occasional paremiological transformations and the ephemerality of contemporary paremiological material. Central to the interview is the question of how traditional folklore adapts and transforms in the age of internet culture and digital memes. The conversation critically addresses epistemological questions about knowledge production and researcher reflexivity — specifically, the tension between the "scholarly voice" and the "personal voice" in documenting and interpreting contemporary folklore. The work emphasizes the importance of thick description and intersubjectivity in folklore research. The study makes a significant contribution to contemporary debates in folklore studies, digital ethnography, and linguistic pragmatics, illuminating how traditional paremias persist, hybridize, and evolve within the context of contemporary collecting practices.

Введение

Я замыслил интервью с Еленой Жигариной несколько лет назад: всегда интересно, как работает внутренний голос настоящего собирателя пословиц и поговорок в современном городе, как формируется система взглядов паремиолога на мир. Пока мы учились в аспирантуре Центра типологии семиотики фольклора РГГУ (2004–2007 годы), да и потом, за долгие годы совместной работы, меня поражало обостренное внимание Лены к тому, что многие принимают за едва слышный гул улицы, шум университетских коридоров, разговоры вполголоса в лифтах или у дверей аудиторий, даже к неразличимым фразам на заднем плане телефонных звонков. Невзначай сказанное слово для нее становится сигналом: попыткой выразить то, что едва поддается формулировке. В этом хаосе звуков настоящий исследователь видит кристаллы смысла, в которые облекается человеческая коммуникация.

Эта работа — продолжение размышлений фольклориста о том, что мы делаем, когда записываем интервью, как выстраиваем свою речь, как задаем вопросы, что на самом деле хочет или не хочет сказать собеседник и какой смысл мы можем и хотим извлечь из рассуждений человека, находящегося рядом [Петров 2015]. По сути, статья содержит рефлексивный анализ, показывающий, как интервью конструируется в процессе взаимодействия собирателя и рассказчика. Текст, который получается после расшифровки и обработки, является результатом сложного взаимодействия индивидуальных биографических нарративов, личного опыта, круга чтения наблюдателя, ситуации коммуникации с собирателем etc.

Кроме того, разговор с исследователем современных пословиц и поговорок представляется мне важным для понимания того, как именно трансформируется паремиологический фонд русского языка в XXI веке (для примера сделанной работы в этом направлении сошлюсь на огромную базу данных, содержащую паремии, их варианты и модификации, собранную Еленой Жигариной[1]). Это не только историко-лингвистический вопрос: такой диалог имеет более глубокое значение, поскольку позволяет понять, каким образом следует рассуждать о здравом смысле. Связь между изучением пословиц и пониманием природы здравого смысла становится особенно отчетливой в свете логики Клиффорда Гирца, который в работе «Здравый смысл как культурная система» предложил рассматривать его как специфическую форму культурного опыта, исторически обусловленную и социально укорененную [Geertz 1983]:

> Мудрость здравого смысла беззастенчиво и безоглядно сиюминутна. Она показывает себя в эпиграммах, пословицах, obiter dicta,

[1] https://www.ruthenia.ru/folklore/zhigarina4.htm

> шутках, анекдотах, а не в формальных доктринах, аксиоматизированных теориях или величественных догмах ‹…› На первый план всегда выходит отнюдь не содержащаяся в них неопределенность, но что-то прямо противоположное: с одной стороны, «не будьте опрометчивы», но с другой стороны — «промедление смерти подобно»; с одной стороны, «один стежок, но вовремя, стоит девяти», но с другой стороны — «лови момент». Действительно, в подобных нравоучительных высказываниях — в своеобразных парадигмах народной мудрости — «отсутствие методичности», присущее здравому смыслу, проступает наиболее четко ‹…› Именно такого рода пестрая смесь разнородных представлений — причём зачастую они выражаются вовсе не в пословичной форме — не только характеризует системы здравого смысла в целом, но и, в сущности, делает их пригодными для охвата многообразия жизни в мире» (перевод мой — *Н. П.*)[2] [Geertz 1983: 90–91].

Беседа с Еленой позволила затронуть множество принципиальных вопросов, которые до сих пор остаются в центре внимания паремиологов и, шире, фольклористов и антропологов. Какие детали современного мира «схватывают» пословицы и поговорки? Как разграничивать пословицы и устойчивые выражения? Может ли одноразовый вариант, созданный в конкретном контексте, стать популярным и распространяться дальше, постепенно приобретая статус паремии? Можно ли полностью зафиксировать контекст произнесения пословицы, или её смысл всегда ускользает от документирования? Чем мем отличается от традиционной паремии, учитывая их формальные и функциональные различия? Что следует понимать под паремиологическим пространством — набор всех возможных реализаций одной паремии или же некую более абстрактную категорию? И наконец, зачем люди обращаются к пословицам и поговоркам в повседневной речи — ищут ли они авторитет древней мудрости и обретают власть над аудиторией, маскируют ли собственное мнение цитатой из традиции или же используют паремии как инструмент социального позиционирования? Чарльз Бриггс и Ричард Бауман в программной статье о жанре и интертекстуальности утверждают, что процесс извлечения текста из одного контекста и встраивания его в другой никогда не бывает нейтральным: «Интертекстуальность, — пишут они, — это не просто вопрос того, какие тексты связаны с другими текстами, но того, *как* связь устанавливается, *кем*, *в каких обстоятельствах*, *ради каких целей*, *с какими результатами*» (курсив мой — *Н. П.*) [Briggs, Bauman 1992: 147]. Когда человек произносит пословицу, он совершает акт интертекстуального присвоения и социальный жест: берёт голос

[2] Это работа К. Гирца переведена на русский, см. [https://magazines.gorky.media/nz/2007/4/zdravyj-smysl-kak-kulturnaya-sistema.html], но из-за неточностей, допущенных при переводе, я использую оригинал.

традиции и говорит от её имени, тем самым усиливая свой авторитет в разговоре, а иногда занимая позицию морального ригориста или судьи. Пословица в этом смысле — это риторическое оружие, которое позволяет говорящему представить свое частное мнение как выражение коллективной мудрости.

Я хочу проговорить эти и другие вопросы, приводя фрагменты работ современных авторов, которые так же, как и мы с Еленой, задавались фундаментальными проблемами фольклористики. Обращение к голосам исследователей, работающих в самых разных традициях — от классической русской паремиологии до современной теории мема, от лингвистической теории до культурных исследований — позволит мне контекстуализировать интервью, показать, что наш разговор является частью более широкого научного дискурса о том, как функционирует знание о мире в условиях трансформирующегося медиаландшафта в XXI веке.

«Поговорка цветочек, а пословица — ягодка»: относительная замкнутость клише и рефлексия исследования

Вопрос о природе пословичного клише к 1970-м годам казался решенным благодаря работам Г. Л. Пермякова, который постулировал замкнутость пословицы как её определяющий признак. По его логике, пословица — предложение, клишированное целиком, состоящее из одних постоянных членов и потому не изменяемое и не дополняемое в речи (см. цитату полностью: «Предложения, клишированные целиком, т. е. состоящие из одних постоянных членов и потому не изменяемые и не дополняемые в речи, мы называем замкнутыми, а клишированные не полностью, т. е. содержащие переменные члены, изменяемые или дополняемые в речи, — незамкнутыми» [Пермяков 1970: 9]). Эта формулировка и методологические принципы Пермякова долгое время служили теоретической основой для паремиологов, утверждая непреложность пословичной формы.

Однако в начале XXI века методологический ландшафт паремиологии существенно изменился. В диссертационном исследовании Е. Е. Жигариной «Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов» (2006) была предложена корректирующая гипотеза, которая переосмысляла основание пермяковской парадигмы. Жигарина выдвинула тезис об относительной, а не абсолютной замкнутости пословичного клише: «Пословицы обладают лишь относительно замкнутой формой клише — в контекстах своего произнесения они способны трансформироваться в соответствии с определенными закономерностями» [Жигарина 2006]. Этот теоретический сдвиг открыл новые горизонты для понимания паремий.

Такой «жигаринский» поворот имеет принципиальное значение: он позволяет рассматривать пословицы и поговорки как пластичные единицы дискурса, подвергающиеся постоянной трансформации, модификации и мутации в зависимости от коммуникативной ситуации, исторического и социального контекста и речевых интенций говорящего. Таким образом, изучение вариативности современного бытования паремий становится ключом к пониманию того, как в текущий момент конструируется и переконструируется здравый смысл — именно то, что Клиффорд Гирц назвал бы особой системой смыслообразования.

«Иногда смысл текста окказионально изменяется. Вот муж у меня — что он делает с паремиями, это просто катастрофа! То ли он подыгрывает мне, жонглируя структурой и значениями текстов, то ли демонстрирует какие-то естественные возможности языковой игры», — говорит в интервью Елена, балансируя между полюсами — позитивистским и интеракционистским. Похожим образом размышляет исследовательница интернета и цифровых технологий Полина Колозариди, задавая вопросы профессору теории информации Аннет Маркхэм: мы составляем одну объективную систему знания или двигаемся к интерсубъективности [Колозариди, Маркхэм 2021: 53]? Где происходит сплетение двух логик: «паремийный фонд изменчив» и «это я так слышу, потому что люди рядом создают комфортное пространство для меня как для паремиолога»?

Такое размышление созвучно рассуждению фольклориста и антрополога Дэвида Хаффорда, который писал (правда, по другому поводу), что беспристрастность должна быть методологической позицией, в которой исследователь признает свои личные верования, но откладывает их в сторону для научных целей [Hufford 1995]. Эта дилемма отражает более широкую проблему позициональности исследователя в качественных исследованиях — осознание того, как мировоззрение, социальная позиция и личный опыт исследователя влияют на все этапы исследовательского процесса [Holmes 2020; Yip 2024]. Если мы получаем видимость объективности, оставляя себя вне наших описаний, мы оставляем субъективные реальности нашей работы неконтролируемыми — становимся чревовещателями, а не учеными [Bickford, Nisker 2015].

Современные исследователи подчеркивают: позициональность не является фиксированной дихотомией «инсайдер/аутсайдер»; она представляет собой множественную, текучую и динамическую конфигурацию, меняющуюся в зависимости от контекста взаимодействия [Kamlongera 2023]. Елена размышляет об этом, используя две системы правил: правила личного голоса — собственные верования, мировоззрение, и правила научного голоса — методологические принципы, стандарты доказательности. Рефлексивность требует осознания обеих систем и их разделения в исследователь-

ской практике; при этом нужно признавать, что субъективность исследователя является не угрозой, которую нужно сдерживать, а ресурсом для исследования [Braun, Clarke 2023]. В этнографии исследовательское «я» становится проводником исследования и первичным инструментом производства знания [Shehata 2015], а интерсубъективность — не только и не столько желательным условием, но эпистемологической необходимостью (ср. [Gillespie 2009]). Только через умножение перспектив, терпимость к неопределенности и рефлексивное осознание своей позиции исследователь может двигаться к более надежному — хотя всегда частичному и ситуативному — пониманию изучаемого феномена, в нашем случае, паремийного фонда.

«Маленькая рыбка, плохая юшка»: как зафиксировать ускользающую паремию?

Центральная проблема, обсуждаемая в интервью, связана с принципами полевой фиксации паремий в условиях современной коммуникации. Елена делает так: основным методом сбора материала служит включенное наблюдение, при котором исследователь фиксирует речевые ситуации in situ, отмечая социальный статус участников общения, их пол, возраст и контекстуальные обстоятельства произнесения паремии. Такой подход восходит к принципам С. Ю. Неклюдова, научного руководителя диссертации Елены Жигариной. Сергей Юрьевич при обучении студентов и аспирантов подчеркивает необходимость изучения «живой» традиции, а не её застывших форм. Свою истинную форму и значение паремия обретает только в контексте произнесения, а пословицы, фиксируемые словарями, — лишь отражения наиболее устоявшихся вариантов. Это означает, что без реконструкции коммуникативной ситуации — того, кто, кому, зачем и в каких обстоятельствах «произносит» паремиологическую единицу, — исследователь имеет дело лишь с «фотографиями вариантов», копиями без контекста, лишенными своей функциональной и прагматической полноты.

В интервью обсуждаются практические сложности такой методики: невозможность стопроцентно точного воспроизведения речевой ситуации без аудиофиксации, этические ограничения (информантов «нельзя спугивать»), проблема анонимизации данных и конфиденциальности собранного материала. Как говорит Елена, даже при самой тщательной фиксации точного воспроизведения дать невозможно. «Это не стопроцентная запись, которую я могу доказать аудиоматериалом. Соответственно в связи с этим, если ты даешь такую большую погрешность, 15%, какова цена твоей истинности?» Тем не менее именно такая методология позволяет зафиксировать полифункциональность паремий в речевых ситу-

ациях — феномен, который невозможно наблюдать при работе с лексикографическими источниками. Важным элементом этой методики оказывается фиксация не только традиционных, но и окказиональных, индивидуальных преобразований паремий. Жигарина приводит примеры семантической трансформации («подложить свинью» в значении «положить кусок свинины»), буквализации («маленькая рыбка — плохая юшка», где рассказчик принимал слово «юшка» за название рыбы, а не за обозначение ухи), а также случаи ложной этимологизации и переосмысления устойчивых выражений в связи с утратой или модификацией первоначального контекста («кровь с молоком», «рязанский сахар»).

Вопрос о фиксации современного паремиологического фонда неизбежно сталкивает Е. Е. Жигарину с серьезной этической проблемой: как собирать живой речевой материал, не нарушая конфиденциальнные данные собеседников? Практика показывает, что люди боятся быть узнанными, особенно когда обсуждают интимные вопросы или используют маргинальную лексику. Именно поэтому между преподавателем и студентами, которые выходят в поле каждый день (ведь любой разговор может оказаться важным), складывается неписаный договор о конфиденциальности: материал, который собирается в рамках занятий учебной группы, не транслируется во внешнюю среду. Этот «семейный режим», как его называет Елена, основан на взаимном доверии — студенты получают право фиксировать все (разрешается все, кроме явного отсутствия интереса к работе), но при условии, что их голоса и истории останутся анонимными.

Подобная этическая установка отражает более широкую дискуссию в англоязычной антропологии и фольклористике. Бенджамин Сондерс, Дженни Китцингер и Селия Китцингер в статье об анонимизации интервью показали, что процесс обезличивания данных представляет собой сложный баланс между двумя конкурирующими приоритетами: максимальной защитой идентичности участников и сохранением ценности и целостности данных [Saunders et al. 2015]. Исследователи отмечают, что анонимность — это континуум (от полностью анонимного до почти идентифицируемого), вдоль которого исследователь вынужден балансировать. Джулия Бикфорд и Джефф Нискер в своей работе о напряжении между анонимностью и насыщенным описанием в этнографии указывают на особую остроту этой проблемы при работе с уникальными информантами или в малых сообществах: действия, предпринятые для сокрытия или затушевывания деталей, могут препятствовать демонстрации аутентичности, валидности и правдоподобия исследования [Bickford, Nisker 2015]. В современной цифровой гуманитаристике эта проблема стоит ещё острее. Сергей Соколовский в статье о методологии цифровой антропологии обращает внимание

на то, что границы между публичным и приватным в интернет-пространстве размыты, что создает комплексные вопросы, связанные с информированным согласием [Соколовский 2021]. Аннетт Маркхем и другие исследователи цифровой этнографии подчеркивают, что границы виртуальных сообществ крайне подвижны и выстраиваются дискурсивно, а не географически, что делает задачу определения границ поля постоянным вызовом для этнографа [Howard, Mawyer 2015; Markham 2005].

Ещё один аспект, который затрагивается в интервью, — региональность паремийной формы, этническая принадлежность того, от кого записан текст, и этика исследования: попытка определить региональное происхождение информанта по особенностям его речи может быть воспринята как неэтичное профилирование. Как признает Жигарина, даже такая, казалось бы, безобидная маркировка («человек явно кавказской крови») граничит с нарушением приватности и может вызвать справедливый протест.

Исследователь вынужден балансировать между двумя требованиями: научной честностью (фиксация максимума информации) и этической ответственностью перед информантами (защита их идентичности). Как отмечается в программном документе по этике полевой работы Американского фольклорного общества, в большинстве случаев информанты хотят, чтобы их вклад в исследование был известен, чтобы их признавали в качестве <…> и экспертов по локальным традициям [American Folklore Society 2021]. Однако фольклористы обязаны сохранять конфиденциальность локальных экспертов, когда таковая запрашивается, особенно если информация может поставить человека «под угрозу уголовной или гражданской ответственности или нанести ущерб финансовому положению субъекта, трудоустройству или репутации» [Там же]. Это означает, что подлинная паремиологическая методология XXI века должна предполагать заранее установленные границы — как в объеме собираемого материала (Жигарина ограничивает своих студентов 60–100 записями), так и в полноте его описания, чтобы исследователь не превратился в своеобразного надзирателя, который может отпугнуть информантов своей излишней документальностью [Белоруссова 2021; Головнев и др. 2018].

Обсуждаемые вопросы раскрывают более глубокий парадокс паремиологической работы в современности: контекст произнесения паремии неотделим от её значения, однако полная фиксация контекста (место, время, социальные характеристики информанта, его возраст, пол, региональное происхождение) неминуемо деанонимизирует материал. Жигарина признает, что она работает с материалом, истинность которого составляет лишь 85% — остальные 15% приходятся на неизбежные погрешности записи, забывчивость, невозможность полной транскрипции в спешке. Такая сте-

пень неточности, по её мнению, недостаточна для докторской диссертации, но необходима для понимания живых процессов трансформации паремий.

«Тётя Ася приехала»: паремиологическое пространство, мемы и фольклор

Другой аспект бытования современных паремий, обсуждаемый в интервью с Еленой, касается роли паремиологического фонда в качестве маркера социокультурных и генерационных различий. За последние двадцать лет произошли существенные изменения в составе активного паремиологического минимума носителей русского языка, особенно среди молодого поколения. Это проявляется в утрате знания традиционных фразеологизмов (например, студенты-магистранты часто не знают устоявшегося значения выражений «срать кирпичами» или «писать кипятком»), а также в проникновении в их речь англоязычных клише и формул, заимствованных из интернет-культуры, кинематографа и компьютерных игр. Это явление соблазнительно интерпретировать в русле концепции паремиологического пространства, разработанной в трудах Ю. И. Левина. Паремиологическое пространство понимается как многомерная система, в которой паремии оказываются «втянутыми в разного рода отношения» — эпистемологические, аксиологические, логические, ономасиологические, структурно-семантические и функциональные [Левин 1984]. Смещение границ этого пространства у разных поколений и социальных групп свидетельствует о трансформации самой «паремиологической картины мира» — системы ценностных установок, стереотипов и поведенческих норм, закрепленных в паремиологических текстах.

Современная фольклористика затрагивает и анализ мемов как специфической формы паремиологии. Жигарина отмечает, что мем по сложности структурно-семантических характеристик подобен примете: «В основе приметы может стоять не клише, а представление, которое может быть выражено каким угодно текстом и какой угодно формой». Мем функционирует как семиотический комплекс, способный актуализироваться в различных коммуникативных контекстах и медиаформатах (изображение, видео, текст), сохраняя при этом устойчивое концептуальное ядро.

Проблема разграничения мемов, клише, формул и собственно паремий остается дискуссионной в современной науке. Фольклористика разработала несколько подходов к осмыслению интернет-мемов в их связи с паремиологией. Лимор Шифман в своей влиятельной работе Memes in Digital Culture (2013) предложила понимать интернет-мем не как единичную культурную единицу, а как группу цифровых объектов, разделяющих общие характе-

ристики содержания, формы и/или позиции, которые создаются с осознанием друг друга и распространяются, имитируются и трансформируются через интернет множеством пользователей [Shifman 2014]. Как отмечает Маре Калда в рецензии на книгу Шифман, такое определение акцентирует не самореплицирующуюся культуру в духе Ричарда Докинза, а значимые компоненты культуры, которые формируются и распространяются активными человеческими агентами [Kalda 2014]. Луис Тосина Фернандес в статье о пословицах в современных медиа демонстрирует, что интернет-мемы представляют собой ценный материал для паремиологических исследований, поскольку пословицы оказываются плодотворным источником для создания мемов благодаря пригодности их характеристик для этой цели [Tosina Fernández 2017: 381]. А Рута Муктупавела рассматривает интернет-мемы как жанр современного фольклора — остроумные мультимодальные сообщения, которые можно сравнить с традиционными шутками и анекдотами, при этом подчеркивает тематическую преемственность между традиционным студенческим фольклором и современными студенческими мемами [Muktupāvela 2018]. В русскоязычной науке этот вопрос разрабатывается с учетом специфики отечественной паремиологической традиции. Елена Воякина в статье «Эволюция народного слова: от паремии к интернет-мему» (2023) систематизирует трансформационные процессы в русскоязычных интернет-мемах, рассматриваемых в качестве современных паремий [Воякина 2023]. Анна Манаенкова утверждает, что паремии в современных языковых исследованиях могут рассматриваться как мемы — трансляторы культурной информации, содержащие совокупность знаний народа о мире, выделяя такие общие признаки, как сентенциональность, воспроизводимость и способность воздействовать на реципиента [Манаенкова 2016].

Важной проблемой остается вопрос о соотношении устойчивости и вариативности паремий. Гжегож Шпила в исследовании польских паремиологических демотиваторов показывает, как традиционные пословицы трансформируются в интернет-жанре, сохраняя узнаваемую структуру, но приобретая новые смыслы и функции [Szpila 2017]. Эва Козёл-Хжановска, анализируя использование известных польских пословиц в интернет-мемах, демонстрирует, что мемы одновременно и сохраняют паремиологическую традицию, и радикально её трансформируют, создавая новые контексты актуализации [Kozioł-Chrzanowska 2017]. Я и сам размышлял на эту тему и в интервью о современном фольклоре отмечал, что мемы деконтекстуализируются — люди извлекают смысл из изначального контекста и меняют подпись и картинки, создавая новые смысловые комплексы[3].

[3] https://lifehacker.ru/memy-i-tredy-eto-sovremennyj-folklor/

Таким образом, современная дискуссия о соотношении паремий и мемов вращается вокруг нескольких ключевых вопросов: является ли мем эволюционной формой паремии или принципиально новым жанром цифрового фольклора? В какой мере применима классическая паремиологическая терминология (формула, клише, устойчивость) к описанию мемов? Каковы границы между традиционным фольклором, функционирующим в интернете, и собственно цифровым фольклором? Эти и другие вопросы требуют дальнейшей теоретической разработки и эмпирического исследования материала, учитывающего как лингвистические, так и визуально-семиотические характеристики современных форм фольклора.

Наконец, интервью высвечивает проблему эфемерности современного паремиологического материала, см. современные исследования паремиологического фонда [Бредис и др. 2020; Васильева 2022; Кулькова 2013; Никитина, Рогалёва 2015; Федорова 2008]. Если традиционные пословицы фиксировались в устойчивой форме на протяжении столетий, то современные паремии и мемы могут иметь крайне короткий жизненный цикл, угасая вместе с породившим их социокультурным контекстом (например, рекламные слоганы 1990-х годов типа «тётя Ася приехала»). Это ставит перед исследователями задачу непрерывного мониторинга паремиологического фонда и создания динамических баз данных, способных отражать актуальное состояние паремиологического пространства в режиме реального времени. Такая методологическая установка соответствует общим тенденциям развития современной фольклористики и антропологии, где, по выражению Клиффорда Гирца, акцент смещается от «ненасыщенного» к «насыщенному описанию»: важно фиксировать не только физические действия, но и те «стратифицированные иерархии наполненных смыслом структур», в контексте которых эти действия обретают значение для самих участников [Geertz 1973: 7–8].

«Смотри, прежде чем прыгнуть»: здравый смысл и культурные системы

Разговор с паремиологом важен и для понимания того, как работает в современном мире то, что называется common sense. В эссе «Здравый смысл как культурная система» (1983) Клиффорд Гирц предлагает радикальный пересмотр представлений о природе обыденного знания, выдвигая тезис, который может показаться парадоксальным: здравый смысл не является универсальной, самоочевидной данностью, доступной любому здравомыслящему человеку, но представляет собой исторически сконструированную культурную систему, подверженную драматическим вариациям от одного общества к другому. В рамках этой аргументации пословицы, поговорки, максимы и афоризмы занимают центральное место

как парадигматические формы выражения житейской мудрости, наиболее наглядно демонстрирующие специфические «стилистические особенности» (или модальные свойства) здравого смысла как культурного явления. Гирц характеризует здравый смысл как существующий ad hoc. Он проявляется не в формальных доктринах, аксиоматизированных теориях или архитектонических догматах, но в пословицах, obiter dicta — попутных замечаниях, анекдотах, нравоучительных историях — «грохоте афористических высказываний[4]» [Geertz 1983: 85]. Эта формулировка указывает на принципиальную и не кластеризованную несистемность паремиологического фонда как выражения обыденного сознания. В отличие от науки, которая стремится к логической последовательности и верификации, или религии, опирающейся на откровение, здравый смысл, кристаллизованный в пословичных формулах, не претендует на создание связной системы знания (ср. [Nitecki 1987]). Напротив, его сила заключается именно в способности предоставить разнообразный, гетерогенный репертуар суждений, применимых к многообразным ситуациям повседневной жизни. Ключевым понятием для понимания гирцевского подхода к пословицам служит концепция *несистемности* — одного из пяти модальных свойств здравого смысла, которые антрополог выделяет наряду с *естественностью*, *практичностью*, *тонкостью* и *доступностью*. Несистемность означает, что здравый смысл не следует строгим методологическим принципам, не избегает противоречий и не стремится к интегрированной концептуальной архитектуре. Как пишет Гирц, пословицы функционируют через парадокс и противоречие. Здравый смысл, выраженный в паремиях, потворствует «удовольствиям непоследовательности» и признает «неподатливое разнообразие опыта», который невозможно свести к единой логической системе [Geertz 1983: 84–89].

Классический пример, который приводит Гирц, — сосуществование в одной культуре таких противоречащих друг другу пословиц, как «смотри, прежде чем прыгнуть» и «кто колеблется — тот потерян». Эти паремии предлагают диаметрально противоположные стратегии действия, тем не менее, обе признаются носителями культуры как истинными и ценными. Такая кажущаяся логическая несообразность составляет сущностную характеристику здравого смысла. Пословицы не формируют дедуктивную систему утверждений о мире, из которой можно вывести однозначные предписания для действия — они образуют рыхлое, гетерогенное собрание суждений, каждое из которых может быть мобилизовано в соответствующей коммуникативной ситуации.

Гирц утверждает, что здравый смысл представляет собой активную интерпретацию непосредственного опыта, подобную тому,

[4] В оригинале a clatter of gnomic utterances — грохоте гномических высказываний — *Н. П.*

как, например, мифологические тексты, живопись, архитектура или любые другие культурные формы интерпретируют мир. Если здравый смысл является такой же интерпретацией действительности, как и более изощренные символические системы, то он, подобно им, исторически сконструирован и подлежит исторически определенным стандартам суждения. Согласно Гирцу, пословицы функционируют как механизм удостоверения и подтверждения «видимого порядка» вещей. Рассматривая пример представлений азанде о колдовстве, Гирц показывает, как обращение к «мистическим» объяснениям на самом деле служит защите и укреплению обыденных здравых представлений о причинности. Аналогичным образом пословицы не проблематизируют повседневный опыт, но, напротив, запечатывают, блокируют сомнения относительно него, превращая конвенциональные интерпретации в «естественные» и самоочевидные факты. Паремии работают не потому, что они логически доказуемы или эмпирически верифицируемы, но потому, что группа признает их истинными. Их истинность — это истинность культурного консенсуса, разделяемого понимания того, «как обстоят дела». В этом смысле попытка опровергнуть пословицу путем указания на контрпримеры или логические противоречия столь же неуместна, как попытка опровергнуть религиозное верование путем эмпирического исследования — это другая «языковая игра», другой режим производства истины.

Теоретическая рамка, в которой может быть осмыслено бытование современных паремий, представлена в работе историка науки Стивена Шейпина «Провербиальные экономики» (2001). Шейпин вводит понятие паремиологической, или пословичной, экономики как сети речи, суждения и действия. В этой сети пословичные высказывания обладают легитимностью, ценностью и способностью формировать практику. В противовес философскому осмыслению паремий как логически непоследовательных и поверхностных обобщений, Шейпин настаивает, что пословицы не должны рассматриваться как «голые пропозиции на печатной странице», это речевые акты в ситуациях использования, где их значение конституируется контекстом произнесения, социальным статусом говорящего и коммуникативными задачами участников взаимодействия. Паремии функционируют как «атопические» феномены: они принимаются за истинные a priori, а задача слушателей — установить, как именно они истинны «здесь и сейчас», в данной конкретной ситуации. Это позволяет поддерживать стабильный корпус знания при контроле над доменом его применения: вместо постоянного пересмотра паремиологического фонда в свете противоречащих случаев, культура сохраняет устойчивое тело паремий, модифицируя лишь практики их контекстуальной актуализации. Шейпин подчеркивает, что пословицы обладают «мнемонической устойчи-

востью» — они должны произноситься «в точности так, как положено», без парафраз, что сближает их с ритуальными высказываниями и магическими формулами. Одновременно они демонстрируют колоссальную семантическую гибкость и референциальную широту при приложении к непредсказуемому многообразию ситуаций. Важно, что метафорический характер многих паремий не требует «перевода» с буквального значения на ситуативное: достаточно опыта компетентного употребления в релевантных контекстах, чтобы понимать функцию пословицы без знания о конкретных повадках лошадей или свойствах катящихся камней [Shapin 2001].

Заключение

Публикуемое интервью (и диалог) с Еленой Евгеньевной Жигариной, специалистом в области структурной паремиологии и фольклористики, следует воспринимать как аналитическое осмысление методологических принципов фиксации и исследования фольклорных текстов, в том числе — в условиях современного дискурса. Напомню, что Е. Е. Жигарина читает курс по паремиологии в рамках магистерской программы «Фольклористика и мифология» Учебно-научного центра типологии и семиотики Российского государственного гуманитарного университета; её многолетняя работа в этой области позволила выработать тонкий слух на паремии не только у себя самой, но и у многих выпускников курса и магистратуры. Интервью — жанр разговорный, поэтому мы допустили в печатном тексте некоторую вольность изложения мыслей. Устная речь часто эллиптична, поэтому некоторые слова, проясняющие идею Елены и уточняющие высказывание, помещаются в квадратных скобках в тексте; сам текст снабжен комментарием.

За интервью следует Приложение, содержащее избранные фрагменты из корпуса тех самых «стратифицированных иерархий наполненных смыслом структур» (по Клиффорду Гирцу), которые обретают полноту своего значения только в контекстах произнесения и социального действия. Примеры сопровождаются фиксацией коммуникативных обстоятельств, гендерных и возрастных характеристик рассказчика и времени записи. Для исследователей, работающих в пространстве города — будь то фольклористы, антропологи, лингвисты, — этот материал служит примером того, как насыщенное описание паремиологического факта может трансформировать наше понимание живой речевой традиции, отражающей актуальные социальные позиции, ценностные установки и культурные схемы разных поколений жителей того или иного города. Люди через речевые формулы объясняют себе и друг другу свой жизненный опыт, конструируя тем самым собственное понимание окружающей их действительности.

Интервью

– Мы говорим о специфике бытования паремий в городе, в современности. Как сильно поменялся пословичный фонд сейчас в XXI веке? Как это отражается на работе со студентами? Как происходит эта работа?

— Курс я веду каждый год, и каждый год мне приходится проводить адскую работу по причине того, что я обязана следить за обновлением паремийного фонда. Если я говорю, что у меня тут актуальная фиксация паремии и сообщаю о тексте, который зафиксирован 18 лет назад… Это так же, как если бы мне, когда мне было 18 лет, сказали, что вот эту актуальную паремию зафиксировали в год моего рождения. Ну, это же некорректно!

Конечно, есть базовый фонд, где значение не колеблется, например, «волков бояться — в лес не ходить». Другое дело, что появляется множество вариантов, которые отличаются от наиболее устоявшегося. И, понимаешь, в чём дело? Если я не буду фиксировать контекст, что произойдёт? Непонятна будет специфика структуры и значения варианта.

У всякого поколения могут быть свои оттенки смыслов паремий. Мы все можем смыслы видеть по-разному. Для наших родителей конструкция «зайти не в ту дверь» — это строка из песни поэта Евгения Долматовского «Представить страшно мне теперь, что я не в ту зашел бы дверь, другой бы улицей прошёл, тебя б не встретил, не нашёл». Нынешние молодые люди в первую очередь вспомнят мем с оправданиями Филиппа Киркорова за посещение «голой вечеринки» (декабрь 2023 года). Каждое поколение иногда использует свои смыслы. Иногда смысл текста окказионально изменяется. Вот муж у меня — что он делает с паремиями, это просто катастрофа! То ли он подыгрывает мне, жонглируя структурой и значениями текстов, то ли демонстрирует какие-то естественные возможности языковой игры. От него я часто фиксирую такие вещи, которых нет нигде. Смотри, какая ситуация. Я угощаю его ужином, кладу перед ним тарелку. Он берёт вилку и говорит: «Ты мне опять подложила свинью». Ну, это же какая семантическая трансформация! «Подложить свинью», — это о чём фразеологизм? О том, что «ты мне сделал какую-то подлянку», да? А он говорит, что «ты мне положила кусок свинины». «Опять ты мне подложила свинью!» Вот такая игра индивидуальная, разовая. Это, конечно, прекрасно, за этим очень интересно наблюдать. И этого ни один словарь никогда не зафиксирует.

Смысл моего курса в том, чтобы ученики замечали пластичность, замечали живость этого материала и относились бы к нему не как к памятнику. В одном из исследований XX века я заметила интересную мысль о том, что сборники пословиц — это кладбище нереали-

зованных возможностей. Увы, прямо сейчас не могу точно сказать, кому мысль принадлежит[5]. Смотри, как точно сказано! Замкнутая форма клише у пословиц именно там, в сборниках текстов, где они запечатлены в каких-то вариантах на века.

Я начала говорить о пластичности значений. Раз пришла к школьникам с лекцией про фразеологию. Была в шоке от того, что они не знали, что такое «кровь с молоком». Они говорили, что «кровь с молоком» — это либо «молоко в кровь добавили», либо наоборот. Ни через сказки, ни через устное слово этот фразеологизм не был ими усвоен. Неделю назад я спросила у магистрантов о значениях таких текстов как «срать кирпичами» или «писать кипятком». Предложенные трактовки студентов не совпадают с теми значениями, к которым привыкла я. Для них «срать кирпичами» — это «бояться», «писать кипятком» — это «радоваться».

Пыталась копнуть, спрашивала, какие ещё варианты есть? Других трактовок этих фразеологизмов они не выдали. И нет, это не от отсутствия любопытства. Они все очень умные и интересующиеся. В группе есть иностранцы [студенты из Ирана], даже они очень стараются. Просто удивительно, как они стараются понять, что такое фразеологизм, чём отличается единство, сращение и сочетание на материале чужого языка, где ты не знаешь устойчивых компонентов.

Извиняюсь за специфический материал, но я, чтобы, во-первых, снизить патетику, во-вторых, чтобы у них зарождался интерес к живой нормальной речи, а не только к каким-то поэтическим формулам, в своих лекциях употребляю какие угодно тексты. Поэтому мы размышляем, что такое «розовые сопли» или «жевать сопли» во фразеологическом значении. Их эта работа увлекает, завлекает, им это становится интересным. Не потому что неэстетичные тексты в качестве материала используются, а потому что они понимают, что от внимания фольклориста не должно ускользать ничего. Опыт показывает, что понимание фразеологического фонда у меня и у них несколько отличается.

[5] Возможно, мысль принадлежит Мати Кууси (Matti Kuusi), финскому паремиологу, но источник цитаты в работах Мати Кууси не удалось найти. Выражение «кладбище нереализованных возможностей» встречается в научных работах с отсылкой к текстам психолингвиста Б. Ю. Нормана, в частности, к его книге «Игра на гранях языка» и к его шутливому «Энтомологическому словарю» [Норман 2006] (примеры из словаря: «неваляшка – трезвенник; нудист — скучный докладчик; опись – детская неожиданность; полиглот – обжора (то же, что и жрец); привратник – любитель приврать». См., например: «Шутливый, внешне несерьезный словарь тем не менее содержит богатую пищу для размышления учёных-языковедов. Психолингвист увидит в нем, во-первых, подтверждение мысли о присутствии в языковом сознании словообразовательных моделей, во-вторых, демонстрацию механизма использования языковых единиц в речи, особенности воздействия на языковое значение реального контекста и коммуникативной ситуации, в-третьих, то, что Б. Ю. Норман удачно назвал “кладбищем нереализованных возможностей” – показ путей развития языка и речи, причём из запасов и достаточно редких слов» [Горелов, Седов 2001: 185].

Мы собираем фразеологизмы и паремии с каждым курсом. Вот у меня есть группа (каждый год новая) в Телеграме, где они записывают то, что слышат в качестве клише. Не как только пословицу, не как только поговорку, а как любой устойчивый словесный комплекс. Больше половины тех текстов, которые они определяют как клише, я не понимаю и в первый раз вижу. Вероятно, это потому, что у нас, так скажем, разные культурные коды. Они оперируют формулами, которых я никогда не видела. Я не видела этих фильмов, я не играла в эти игры. У нас несовпадение, но не скажу, что тут разные картины мира. Но впечатление, что это разные культурные срезы. У меня своя специфика образования. У них, может быть, сейчас другая, более сильная школа. Они фиксируют английские клише. В рамках русской речи они вдруг начинают переходить на английский и употребляют английские клише. Когда мы в школе читали «Войну и мир», там фрагменты на французском, мы их приблизительно понимали, а у них на английском. Простая аналогия: если бы мы опирались на рекламу девяностых… Какая-нибудь «тётя Ася приехала». У меня кошку Асей зовут. Когда я захожу в комнату, приношу кошку, мой муж восклицает «Тётя Ася приехала!». Знают ли дети эту формулу? Я не знаю, вряд ли.

– Это же реклама чистящего средства ACE?[6]

— Да. Есть базовые тексты, которые более-менее все узнают. А есть паремии, значения которых уже не идентифицируются современными носителями языка. Моя бабушка 1927 года рождения, когда мне было лет двадцать, раз воспитывала меня. А я тогда начинала уже записывать. Она мне вдруг говорит: «Погляди по бёрду, не будет ли близно́». У меня было ощущение, что она выругалась матом. Потому что два ключевых слова в этой паремии мне не были понятны вообще. Я попросила её пояснить. Она объяснила, что это устройство ткацкого станка и что надо смотреть, когда получается ткань. На ткацком станке не сдвоена ли нить — вот это близно́. Но, может быть, надо сейчас уточнить у Даля[7]. Насколько я помню, бабка мне говорила, что это сдвоенная нить. То есть «когда ты работаешь, надо следить за результатом». Естественно, я никогда не работала на ткацком станке. Ну, может быть, только на

[6] https://vk.com/video-182437809_456242795.

[7] Близна́ — отсутствие одной или нескольких основных нитей на большем или меньшем протяжении. Дефект возникает вследствие обрыва нитей основы в процессе ткачества при неисправности ламельного устройства или при недосмотре ткача, примеры употребления примеры употребления см. в: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. С. 132. Пример из словаря: «Поглядим по бёрду, не будет ли близен (т. е. на ткацком стану, не сдвоена ли нить)» Даль В. И. Пословицы русского народа. Раздел «Причина — Отговорка», см.: https://azbyka.ru/fiction/poslovicy-russkogo-naroda/108/.

игрушечном, когда мама знакомила меня с этим миром. Но никакой терминологии я из этой сферы не знаю.

Бывают тексты, которые начинают приобретать странное значение из-за их непонимания. Моя бабка, Галина Михайловна Жигарина, раз недосолила суп. И говорит: «Ну, ничего, недосол на столе, пересол на дворе». Я-то читала, я-то знаю! Для меня «кладбище нереализованных возможностей» в виде словарей — понятная метафора. Другой ведь нормативный вариант! «Недосол на столе, пересол на спине» — тебя побьют, если пересолишь! А бабка моя объяснила: «Ну а что, — говорит, — суп-то на спину, что ли, выльют?». То есть она имела в виду утилизацию супа. Она трансформировала текст в соответствии со своим пониманием. И так в её жизни этот текст устоялся. Ещё история… Сборник мне подарила Евгения Чекменёва[8]. Это сборник, по-моему, её бабушки, которая записывала разные тексты. Как я люблю этот сборник — не представляешь! У этой бабушки своя когнитивная оптика. Бабушка, судя по всему, была феминисткой. Там есть запись — «человек с возу, кобыле легче»[9].

Её ценностные доминанты не давали ей сказать «баба с возу», поэтому она фиксировала в своём словаре иной, доминантный текст. Она видела, что паремии, афоризмы, фиксируемые ею, обладают культурной ценностью — и она свои умозаключения между пословиц вставляла. И когда она показывала это кому-то, это уже смотрелось как слова, которые встали в один ряд с народной мудростью.

— То есть как какие-то свои частные суждения она помещала?

— Помещала. Немного этого, но есть. Ещё один случай. Человека-то уже нет. Умер в ковид. Индивидуальный предприниматель. Виталий Сакович. Мы с ним разбирали некоторые документы по нашей общей издательской деятельности. И он сказал в ходе работы следующее: «Маленькая рыбка, плохая юшка». Притом он это сказал с такой интонацией, как будто между частями предложения была не причинно-следственная связь, а перечисление! «Маленькая рыбка, плохая юшка». «Плохой человек, редиска». Понимаешь, да? То есть уточнение такое. Я спросила его: «Как ты понимаешь этот текст?» Он думал, что юшка — это разновидность рыбки. И ему казалось, что это описание: «маленькая рыбка, плохая юшка».

[8] Чекменёва Евгения — исследователь, лингвист и фольклорист, в 2000–2020-е годы участница семинара Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ. Сам сборник выложен на сайте «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика». https://ruthenia.ru/folklore/pospelova1.htm.

[9] См. записи из Фонда Елены Жигариной. Код 800. № 54. Человек с возу, кобыле легче (Поспелова 1975–1980: 54). https://www.ruthenia.ru/folklore/zhigarina4.htm.

Ну, я ему сказала, что юшка — это уха. Он очень удивился. Просил никому не говорить, что он об этом не знал. Вообще, заключение [маленькая рыбка — плохая юшка] не очень верное. Самая лучшая уха получается из маленьких сопливых ершей. Но, тем не менее, текст таков: «маленькая рыбка — плохая юшка». В пословице такое значение задано: «из плохого посыла будут плохие последствия». Примерный аналог — «от осинки не родятся апельсинки». А у него из-за того, что он неправильно понимал значение слова «юшка», текст стал иным. Он думал, что юшка — это рыбка. Ну, как шпроты. Мы же не задумываемся, что это за рыба, где она плавает и тому подобное. Для нас шпроты — это рыба, которая засунута в консервы. Понимаешь? И у него было мнение насчет юшки, что это маленькая рыбка, плохой окунёчек. А реально-то это «маленькая рыбка — плохая уха», плохой продукт. Такого рода индивидуальные трансформации бывают. Несмотря на то, что, казалось бы, это очень индивидуальная вещь, такого море. Это очень интересно наблюдать. И для понимания таких случаев очень важен контекст.

У меня у самой было такое… Мне было четыре года. Мама из меня растила человека будущего. В четыре года я уже умела читать и писать. Другое дело, что у меня культурный опыт ещё не был наработан. Я не знала некоторых слов. У меня ещё грамотность была не такая, чтобы уже писать и понимать, что я слышу и что читаю. Я слушала новости и слышала такие слова, как «Никарагуа». Я не знала, что это такое. Это слово было для меня как какой-то звон звуков. Ну, не всё сразу по жизни уточнишь и усвоишь-то… Ну, вот как Сергей Юрьевич писал про ослышки[10]: «Вермишели волн безбрежных»[11].

Расшифровка идёт какими-то своими путями непонятными. Мы непонятное расшифровываем через понятное. Слышим некоторый звуковой поток — Никарагуа как «ни-ко-рагуа». Тогда были какие-то исторические обстоятельства. И по новостям, видимо, что-то такое говорили про эти географические названия и про подобную историю ситуации в стране. Но что это значило, моя головушка расшифровать сразу-то не могла. Значение не было пока усвоено никакое.

И вот мама диктует мне диктант… Произносит: «Шила милому кисет, вышла рукавица». Я не знала, что такое кисет. Написала следующее: «Шила Мила… (ну, какая-то женщина по имени Людмила) макисет, вышла рукавица». Как смеялась моя мама! Долго-долго

[10] Имеется в виду песня Юрия Антонова «Море», слова которой могли быть услышаны так: «Море, море, мир без донны, / Вермишели волн прибрежных…».

[11] См. статью Сергея Юрьевича Неклюдова «Понять и осмыслить (к проблеме «ослышек» и лексических искажений в устной традиции)», посвященную семантической мотивированности и сюжетным особенностям переосмыслений, которым подвергаются в фольклоре ставшие непонятными или недослышанные слова и словосочетания [Неклюдов 2008].

смеялась! Она всё пыталась понять, что такое «макисет»? Беда была в том, что я не знала и то, что такое «кисет», поэтому в некотором смысле понятия «макисет» (несуществующее) и «кисет» для меня были синонимами. Я не знала ни того, ни этого в равной мере, хотя одно было фактом культуры, а второе фактом моей интерпретации. Беда вот в чём. Мама перестаралась в своём педагогическом порыве. Она смеялась долго над «макисетом». Я до сих пор помню её смех над этим словом. И слово это накрепко застряло в моей голове. Как существующее. И несколько лет назад, где-то на какой-то конференции я за кем-то записала: «Шила Мила…» Но я быстро записываю, потому что мне надо успеть зафиксировать, кто что сказал, чтобы сохранить хотя бы 90%, ну ладно, 85% точности ситуации. Я же не с диктофоном всё время хожу. И я читаю, что у меня написано. «Шила Мила макисет, вышла рукавица». Это моя индивидуальная трансформация, которая закрепилась в моей голове. Она у меня осмысленная, и я её несу с собой по жизни. Она у меня закрепилась. И вот таких индивидуальных случаев полно, но как за этим наблюдать, непонятно. Является ли трансформация значений фразеологизмов для студентов индивидуальной, или она соответствует возрастному уровню, я не знаю.

Студентам всегда говорю, что не надо бояться ошибаться. Не надо бояться наших смысловых несовпадений: я что-то не знаю, что вы знаете; вы чего-то, что я знаю, не знаете. И это нормально, потому что ваша культура идёт своим путем. Но они часто стесняются.

Там на курсе есть мальчик — энциклопедия ходячая. Он знает, что такое «рязанский сахар». Этого давно никто не знает. Приходишь, спрашиваешь, что такое «рязанский сахар», «русский сахар», этого никто не знает, хотя инцидент с серией взрывов жилых домов был недавно с исторической точки зрения. Тогда в мешках от сахара нашли вещество, похожее на гексоген, 1999 год. И вот этот юноша помнит все эти исторические факты. И как только он начинает что-то говорить, другие начинают стесняться. Понимаешь? Потому что он знает. Почему он знает? Неизвестно. Но при нём другие могут стесняться, поэтому могут что-то недоговаривать. Истину я знать не могу. Может, они что-то слышали, но недопонимают и молчат об этом. И вполне может быть, они знают, что «срать кирпичами» — это не только бояться. Но для меня это загадка.

— То, что они тебе приносят на зачёты, собранный ими материал по современному бытованию паремий, это как-то фиксируется?

— Да, это фиксируется. Но у нас есть договор о том, что у нас некоторый семейный режим. Мы не транслируем это во внешнюю среду, потому что люди боятся быть узнанными. Одно дело, что

если мы с тобой объясняем материал на фактах… У меня установка, что все мы в бытовом смысле в среднем все одинаковые, даже если люди с разным социальным достатком. Все кушают, спят, убираются, отдыхают, общаются, учатся. Ученики иногда фиксируют интимные ситуации. Но одно дело, если ты зафиксируешь в учебной группе, ежели у тебя такой демократичный преподаватель, и, как бы, они всё понимают, а другое дело, ежели дело пойдет дальше. У нас с ними взаимный договор. А я им разрешаю всё. Кроме отсутствия интереса к работе.

— А есть ли какая-то, если говорить про современный город и про современные способы коммуникации, выборка таких неинтимных вещей, которые могут заинтересовать читателя журнала? Ну, условно то, что вот сейчас прямо происходит на стыке интернет-культуры, на стыке современных фильмов и так далее. Как происходит сращение и переделка, например? Фиксируете ли вы мемы?

— Мемов я вообще боюсь, потому что мемы в некотором смысле это нечто, по возможностям структуры похожее на примету. В основе приметы может стоять не клише, а представление, которое может быть выражено каким угодно текстом и какой угодно формой. Вот я студенткой забыла зачётку дома, пришла домой, взяла зачётку, показала язык отражению в зеркале и ушла. Примета или предписание состоялось? Состоялось. Я сказала хоть как-то одно слово? Нет, всё я сделала молча. Это что, примета? Нет. Это представление, которое может быть выражено приметой, а может быть и не выражено. Так же и с мемами. Мемы могут быть выражены любой формой текста. Вот смотри, сейчас они мне принесли в качестве приметы какого-то кота в капюшоне. И там написано: «Окак!»[12].

Я этот мем узнала неделю назад. Я не знаю, что это такое. Обычное междометное сочетание — «о как!». Они это интерпретируют как мем и пытаются мне впаять это как паремию. Ну ведь не паремия это! Можно ли междометие понимать как паремию? Нет. Восклицания «блин!» или «ё-моё!» мы можем назвать ламентациями, но паремиями назвать не можем, хотя в ситуационном смысле восклицание «блин!» может быть полностью тождественно конструкции «мать моя моржиха!», то бишь пустозначимое восклицание с оттенком неудовольствия.

Вот в чём проблема паремиологии? Существует группа терминов, которая обозначает вообще всё. Тем не менее несмотря на то что они обозначают вообще всё, они не являются друг другу синонимами. Например, формула — это почти всё. Мем, в принципе, это почти всё. Паремия — это, в принципе, почти всё. Но как только мы доходим до какого-то края, понимаем, что эти общности

[12] Мем «Окак»: история черного кота в капюшоне, который покорил интернет — Hi-Tech Mail. https://share.google/hOHsUTXihmtpYLfP2.

не совпадают. Они могут полностью накладываться друг на друга. Термином «клише» можно в нашей науке назвать вообще всё. «О как!» — это тоже клише — в данном узусе при определённой обстановке. Значение — «возглас, выражающий изумление». Клише существовало и до этого котика в капюшоне, и после. И я думаю (когда весь интернет пропадёт) это «о как!» может остаться. Но это не значит, что оно будет соотносимо с котиком или не соотносимо с котиком. Это просто такое ламентационное междометие, поэтому его надо рассматривать как феномен языка. Но это не значит, что из сочетания двух слов мы можем сразу вывести клише. Нет. Точно так же «три пальмы» — это нечленимое сочетание слов, но это не клише. Понимаешь? Ну, то есть это нечленимое сочетание слов, сочетание числительного и существительного, оно синтаксически неделимое, выполняет роль одного члена предложения, но это не клише.

Мы должны будем рассмотреть какие-то новые тексты? Это я поняла. Когда я в аспирантуре начала учиться, началась интернет-эпоха — 2003 год. Мог бы кто-либо лет за 10 до этого подумать, что создастся такой текст, как: «Вот и сказочке “escape”, кто не понял — F1». Новые варианты рождаются, затем они приживаются или уходят. Они могут быть одноразовыми. Множество исследователей говорит, что одноразовое фольклорным текстом не является. Ну, как бы сказать, это не наиболее устоявшийся вариант, значит, это не паремия.

Проблема в чём? Одноразовые варианты, основанные на формулах, могут остаться одноразовыми, а могут пойти дальше. Например, «где совок, там и мусор», «премьер в России больше, чем премьер» (особое звучание у этого выражения было с 2008 по 2012 год, когда премьер-министром был В. В. Путин). Такие тексты могут остаться одноразовыми, а могут пойти дальше.

Вот ещё пример. Мой друг приехал в Москву (тоже какие-то аспирантские годы) в диссертационный зал в Химки и говорит в тягости раздумий: «Диссертационный зал — не место для переосмысления своей диссертации». Соотносим текст с пословицей? Да. Импликационное суждение, вневременная закономерность. Чистая пословица, но разовый же текст! И он никогда не будет повторён. Ну, может быть, каким-то другим аспирантом или учёным в аналогичных обстоятельствах он будет сформирован заново. Но, тем не менее, это не пословица, однако структурно опознаётся. Мало того, я уже сколько раз этот текст повторила среди наших коллег, среди учеников, что, вполне возможно, он где-то осел у кого-то в личном паремиологическом фонде.

Возьмем слова Сергея Юрьевича Неклюдова: «Наука — это не то, чем можно заниматься длинными дождливыми вечерами». В той или иной форме, кратко, в других формах выражения, не в пословичной, а в поговорочной форме — это элемент суждения

или целое суждение, — он часто это повторяет. Я, когда произношу это, понимаю, что студенты узнают его слова. «Долгие длинные вечера», «дождливые вечера». Есть такое клише, оно неяркое, используется нечасто… Значение — ну, наверное, «время, когда человек может посвятить себе, своим мыслям, оставшись наедине с собой». С учётом того, что данное клише часто воспроизводится Сергеем Юрьевичем, оно впаивается в некоторый культурный код студентов, и они продолжают это нести не просто как образ, а как идейную конструкцию.

Ужасно люблю эту историю. Когда я училась в университете, у нас был преподаватель, который говорил невнятно и быстро. Его слова трансформировались, редуцировались, приобретали какие-то странные формы. Он очень хороший преподаватель, содержательный, но вот риторика его... Я тоже этим грешу, особенно когда устала. И вот он читал нам пару по литературе XVIII века и произнёс следующее: «Труппы распадались и имели успех по всей России». Он говорил о Петровском театре. Но он сказал так невнятно, что конструкция стала такой: «Трупы разлагались и имели успех по всей России». Ежели я сейчас встречу моих коллег по тому курсу филфака УлГПУ им. И. Н. Ульянова, где я училась, они это узнают. «Трупы разлагались и имели успех по всей России». Такого рода ситуации есть в любой группе, в семейном фольклоре.

Моя тётка, тётя Таня, Татьяна Николаевна Сорокина, потом Липатова, ей было три года. Значит, деревня в Ульяновской области [село Андреевка Чердаклинского района]. Дедушка — директор школы, бабушка — завуч, такая серьёзная семья. Значит, отвлеклись на гостей, а в дом учителя мог прийти любой. Нет девочки. Ищут везде. Куда трёхлетний ребенок делся? Непонятно. Дедушка уже выглянул в сени и спрашивает: «Таня, ты где?» — «Здесь», — послышался голос из чулана. «Что ты там делаешь?» — спрашивает дедушка. Дальше такой серьёзный голос: «Мукой обсыпаюсь». Конструкция «мукой обсыпаюсь» прошла со мной всю жизнь. И мало того, она проникла во все ветви семьи, в том числе и мужьёв наших, моей матери, тётки. «Мукой обсыпаюсь» — некоторые сосредоточенные действия ради непонятной цели, абсолютно бесполезные, но патетически серьёзные. И это сохраняется на уровне семейного фольклора. Вполне себе паремии. Но если бы я тебе в первый раз сказала, что «я тут в институте мукой обсыпаюсь», ты бы не понял. Вот такого рода разовые тексты очень тяжело собирать, почти невозможно. Мы же не являемся свидетелями сложения индивидуальных смыслов в каждой малой группе. Весь язык зашифрован. Можем мы расшифровать киноцитаты или нет, зависит от того, смотрели мы кино или нет. Например, «первое правило бойцовского клуба…».

– «…Не говорить о бойцовском клубе».

— Один помнит, другой нет. Ну и так далее. Чтобы понимать литературный афоризм «А был ли мальчик, а может, мальчика-то и не было», надо знать литературный контекст, надо прочитать «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького.

– По твоему наблюдению, люди, которые учатся в магистратуре из разных городов, в их собраниях отображается ли какое-то разнообразие городов России или других стран в их паремийном фонде? Или в том, что они слышат, записывают и думают?

— Нет, но я делаю акцент на индивидуальные тексты, поэтому они рассказывают какие-то истории. Я стараюсь относиться ко всем одинаково, чтобы они знали, что я их всех люблю. Региональные тексты если есть какие, это прекрасно. Когда я прошу вести полевые записи, делаю установку, что мы примерно все одинаковые, чтобы преодолеть их стеснение. Может быть, это не очень правильно в научном смысле, а в педагогическом — верно.

– Расскажи читателю этого журнала, если он захочет фиксировать современные городские паремии, что ему надо? Методика – раз, два, три. Как это наблюдать? Что делать?

— Понимаешь, для того, чтобы фиксировать, надо понимать, для чего. Я почему не делаю словарь из этого всего? Хотя это моя историческая миссия, может быть. Потому что точного воспроизведения я не могу дать. Это не стопроцентная запись, которую я могу доказать аудиоматериалом. Соответственно, в связи с этим, если ты даешь такую большую погрешность, 15-25%, какова цена твоей истинности? Я работаю с истиной, которая на 85% истинна. То есть даже для материалов, для докторской диссертации, это недостаточно. Мы записываем всё для формирования у студентов некоторых установок и навыков. После моего курса у студентов более чуткое ухо и жизнь веселее. Они точно радуются каждой услышанной паремии. Фиксируем, фиксируем, фиксируем.

– Каким образом?

— Я фиксирую каждый раз дату, место записи, примерный возраст. Угадать почти невозможно. Вот на тебя посмотришь… а люди в университете консервируются — известный факт… никогда не поймешь, сколько им лет. Вот тебе — от 30 до 50. Поэтому, что поделать? Фиксируем приблизительный возраст, если есть возможность уточнить его, уточняем втайне, но надо сделать так, чтобы информанты не боялись. Я раз лежала в больнице, где всё записывала[13]. Сопалат-

[13] См. об этом в работе Е. Е. Жигариной «Из дневника собирателя» [Жигарина 2003] и предисловие М. П. Чередниковой «Фольклор больничной палаты» [Чередникова 2003].

ницы решили, что к ним легла КГБшница, так как всё фиксирует. И они решили, что эта КГБшница потом на них настучит. В этом есть сложности. Информантов нельзя спугивать, поэтому лучше всё проводить анонимно. Можно помечать, что этот человек из, допустим, Санкт-Петербурга. Если в этом есть какой-то смысл, если паремия связана с этим городом. Если нет, то нет. Фиксировать — мужчина, женщина, возраст, место, обстоятельства — контекст.

Ну, вот смотри. Пришла в кафе, пошутила я с продавцом. Продавец в ответ мне что-то сказал. И всё. Ну, как бы я записала? Как я могу узнать, откуда она? Даже если я помечу, что она явно кавказской крови, где гарантия, что она не родилась в Москве? Это. некоторым образом, неэтично. Другой случай — стоит за мной в столовой мужик и говорит: «Поставьте мне котлету». И я, уже не оборачиваясь, знаю, что он с Кавказа. Потому что там так говорят. Хотя и тут могут быть варианты, конечно.

— То есть паремия ещё и способ идентификации?

— Да. «Поставьте мне котлету». Я тоже где-то писала, что слышу часто это от дагестанцев. «Поставь паспорт в карман».

— Интересно, конечно, посмотреть такие вот регионы, где другой паремиологический фонд.

— Чтобы это делать, этому нужно посвятить жизнь. Несмотря на то, что я уже её посвятила этому, итоги моей работы ничтожно малы.

— Вот я твой студент. У меня есть задание. Какое?

— У любой работы должна быть цель. Фиксация не может быть целью. Зачем я прошу вот это делать? Я формирую некоторые компетенции. После моего курса лекций у всех уши навострены как минимум год, как максимум — всю жизнь. Люди начинают слушать не только, что сказано, но и то, как сказано. У них заостряется некоторая, как сказать, научная оптика. Они лучше хватают мелкие, малые жанры фольклора. Я это делаю ради этого. Но сейчас стала вводить предел. Записываешь 60–100 ситуаций — и всё. Закрываешь вопрос и идёшь заниматься своей диссертацией. Ограничиваю, потому что увлекаются сильно. Некоторые не могут выдавить 10 записей за семестр. Некоторые так увлекаются, что уже непонятно, когда они работают. Потому что они пишут-пишут-пишут. Я формирую некоторые компетенции: а) быть внимательными к текстам; б) уметь фиксировать. Одно дело, если у тебя есть возможность записать аудио. У меня какая-то модель телефона была, где ещё можно включать запись аудио во время телефонного разговора. Допустим, я проговорила с отцом — и расшифровала нашу за-

пись. Одно дело, если у тебя случайно или почти случайно включён микрофон. А другое дело, если у тебя нет никакого микрофона, а тебе надо как-то это всё сделать. Вот стараемся. Делаем микрозаписи какие-то, но стараемся, так что... Мне вот сложно такие записи делать. Вот студенты общаются… Один другому говорит: «Волхво́в бояться, в хлеву не рожать». Текст есть, а контекста нет. Я не знаю, кому он сказал, ради чего он сказал. Вот конкретно этот текст, я знаю, где был сказан, когда и кем. Тут это для примера. Этот текст я услышала в Ульяновске лет 25 назад. Один юноша осуществил намеренную трансформацию пословицы, потому что его друг был шибко религиозен. И первый специально изменил традиционный текст таким образом ради того, чтобы поёрничать.

Недавно зафиксировала загадку — очень интересно: «Что может дать человеку только отец?». Второй говорит: «Y-хромосому». Первый говорит: «Ну, ты дурак, — отчество». Это говорили взрослые люди. Загадки тоже сейчас существуют, но чаще всего окказиональные. Загадки сейчас существуют как коммуникативный жанр.

Короче, паремиологическое поле непаханное. А всякая пословица к месту молвится.

Приложение[14]

25.08.2025

Аптечный пункт в поликлинике в Перово. Очередь за бесплатными лекарствами.

М (70+) кокетничает с женщинами.

М (70+): Вот Вас как зовут?

Ж (60+): Терпсихора.

М: Это как у такой основательной женщины такое имя оказалось?

Ж: Да и Вы, сударь, не Аполлон! А имя мне дали до основательности.

М: Миша я, а не, прости Гос-споди, космический корабль.

Ж: Но корабль Ваш всё равно явно не так поплыл...

25.05.2025

Жена жалуется мужу на проделки кошки.

Ж (45): Игорь, гардина оторвана к черту от стены. Вот что она хотела выразить своей акцией?

М (53): Что-что... Я художник, я так вижу. Делайте, хозяева, ремонт.

[14] В тексте приложения (полевых записях) мужчины обозначаются буквой М, женщины — буквой Ж, рядом в скобках дается их точный или приблизительный возраст.

25.08.2025
Муж и жена обсуждают платежи по кредитам.
Ж (45): Это тебе когда надо?
М (53): Недели через три.
Ж: Скорей бы сдохнуть, а?
М: До тех пор ещё десять раз сдохнем... И не говори «Гоббс», когда читаешь Юма!..

26.08.2025
Идёт М (40+) по Шаболовке, кричит в трубку телефона: «Любыми намерениями вымощена дорога в ад! Ты пойди и дело делай!»

28.08.2025
Юноши у метро курят, разговаривают.
М 1 (20+): Загадка. Что может человеку дать только отец?
М 2 (20+): Игрек-хромосому.
М 1: Идиот! Отчество!

28.08 2025
Разговор мужа и жены.
Ж (45): Что меня бесит в Павле, так подчёркнутая исключительность. Элита, блин. Никакой скромности...
М (53): Ага... Элита едет, когда-то будет...

29.08.2025
Разговор мужа и жены.
М (53): Ты «Дикого ангела», что ли, смотришь?
Ж (45): Ага, это у меня ностальгическое. Его по телеку показывали, когда мне 19 было.
М: Вспомнила бабка, как дивкой была...

9.08.2025
Разговор мужа и жены.
М (53): Жрать-то чё будем?
Ж (45): Картошку варёную разжарила. Сейчас по яйцу в неё грохнем... И ещё по дольке чеснока...
М: А борщ когда сваришь?
Ж: Говяжий хвост размораживаться вынула. Немножко сварим уж завтра, чай.
М: Давай, множко вари. Счастье не в борще, а в его количестве...

30.08.2025
Разговор брата и сестры.
М (50): Ты видишь, я два блюда одновременно делаю?!
Ж (45): Гигант.
М: Вот я и устал. Там королевич мимоходом пленяет грозного царя.

01.09.2025
Разговор мужа и жены.
М (53): Дай котлету!
Ж (45): Это на завтра.
М: Дай котлету! Я расстроенный, меня надо котлетами лечить.
Ж: То есть вот жена вся на <…> больная ходит и ещё работы работает — это ничё, да?
М: Добрая котлета и щи — другого добра не ищи! Дай котлету!

02.09.2025
Разговор хозяина дома с кошкой. Кошка Ж (1,5).
М (53) гладит её: «Вот из-за кого меня сегодня чуть Кондратий Фёдорович не хватил?»

02.09.2025
Разговор жены и мужа.
Ж (45): Завтра будешь кошачий корм есть. Человеческие котлеты ты уже съел.
М (53): Ага-ага. Из всех других пороков обжорство не совместимо с величием духа, ага.

03.09.2025
Разговор мужа и жены.
М (53) убирает кучки за кошкой, вздыхает: ... наш парнишка холостой, только ссытся и глухой...
Ж (45): Игорь, у нас все девицы.

06.09.2025
Разговор мужа и жены.
М (53): Смотри, я вот такой памятник у тебя на могиле поставлю.
Ж (45): Блестяще, ты мою смерть планируешь.
М: Ну, это вариант развития событий. А вариативность — основной признак фольклора.
Ж: Причём тут фольклор?
М: Фольклор — это жизнь. А жизнь — способ взаимодействия белковых тел...

06.09.2025
Телефонный разговор отца и дочери.
М (77): Дочь-старуха, я тебе говорил, что Сашка-полтинник помер?
Ж (45): Говорил.
М: Ну, видишь, деменция у меня уже.
Ж: Не деменция, а усталость. У меня то же самое, только я всё записываю.
М: Корабли рационализировали, рационализировали, да невырационализировали.

07.09.2025
Разговор мужа и жены. Ж уронила нож.
Ж (45): Мне наклоняться больно.
М (53) наклоняется, поднимает нож, кряхтит: Не поднял, а почесал.

07.09.2025
Разговор мужа и жены.
Ж (45): Чё-то в отдел кадров вызывают по поводу должностных инструкций.
М (53): Да что переживать-то? Напиши во всех инструкциях: куй железо, пока горячо... сделал дело, гуляй смело... работа не волк, в лес не убежит!

10.09.2025
Разговор товарищей. М (43) вызвал в 8 утра Ж (45) в связи с тем, что ему плохо.
Ж стучит в дверь.
М открывает, приветствует: «Что? Открывай, сова, медведь пришёл!»

11.09.2025
Разговор товарищей по телефону.
Ж (45): Что-то ты нынче труднодоступен и трубку не берёшь, Расул.
М (63): Ходил сегодня в кафе есть пиццу со своим другом Магомедом Дагсоветовичем.
Ж.: Дагсоветовичем! Какая эротика! А у вас там мода, что ли, на советские имена была?
М: У лезгин. У других в Дагестане нет этого. У нас лучше трёх сыновей в одной семье Магомедами назовут. У меня по прошлой жене было два шурина — и оба Хасбулаты. У нас это нормально. И нет такого, что Марий да Иванов как грибов поганых.
Ж: Да я помню, как я с твоим братом познакомилась. Я ему: «Ах, какое у Вас красивое и редкое имя!» А у него, помню, челюсть отвисла, и он проговорил, что там, откуда он родом, всех так зовут.
М: Мага гений формулировок! А если ты встретишь когда людей с именами типа Маркс, Комммунар или Пофистал, то это точно лезгины. Другие народности у нас советские имена никогда не любили.
Ж: Ну я тут в Москве Марксовича знаю и без кавказских корней.

10.11.2024
Кафе «Шоколадница».
Молодые люди беседуют.
М 1 (25+): Хочу себе золотой зуб вставить спереди.
М 2 (25+): Ты что, сейчас же не девяностые!
М 1: Может, и хуже. А какие времена, такие и песни.

25.10.2024

Ж (44): Блин, как вы, юристы, вообще выживаете!.. Я сегодня чуть не сдохла с новым арендодателем. Нас же Савеловский торговый центр купил. Так вот, в акте сдачи-приемки значится, что у нас на полу керамическая плитка, а потолок в удовлетворительном состоянии. Потолок ты наш видел, а на полу у нас ламинат! Ну, и пишу я им: ... прошу уточнить в договоре объём понятий «керамическая плитка» и «удовлетворительное состояние»... Взрыв мозга!.. Так под понятием «керамическая плитка» в договоре понимается любое напольное покрытие, а под «удовлетворительным состоянием потолка» лишь то, что он не падает на голову...

М (62): Поэтому у юристов и социологов есть поговорка: закон что дышло, куда направили, туда и вышло!

18.10.2024

Разговор мужа и жены.

Ж (44): Всё нафиг, я спать. Завтра ты ешь репу, цветную капусту и баклажаны.

М (52): А потом будешь говорить, что все мужики козлы. Я ж должен не только овощи...

Ж: Консервы откроешь при острой необходимости.

18.10.2024

Разговор мужа и жены.

Ж (44): Репа около часа ночи приготовится.

М (52): А ты куда?

Ж: Штопать, блин. Ты это... Заметил, что чай вкусный? С работы тебе пакетик украла.

М: Воруй, баба, воруй, дед, воруй, серенький медведь.

17.10.2024

Разговор сотрудников издательства.

М (53): Чё смурная?

Ж (44): Голова болит.

М: Голова не жопа, завяжи да лежи.

Ж: Я вроде работу работать пришла. Лежать стоило бы домой идти.

М: Раскладушка есть. Хочешь?

17.10.2024

Раннее утро. Разговор жены и мужа.

Ж (44): Чё не спишь?

М (52): Убили меня.

Ж: Кто?

М: Разведчики.

Ж: Чьи?

М: Американские.

Ж: А ты чё?
М: А я теперь не сплю.
Ж: А они чё?
М: Радуются, наверное.
Ж: Да нахер ты им сдался. Спи, давай!
М: Не могу, меня убили.
Ж: Ну, иди вставай тогда, кашу вари.
М: Не могу. Меня убили.
Ж: Гад.
М: Говорила мне мать: шей шубу теплее, выбирай жену добрее. Злая ты.
Ж: Я тебя сейчас повторно убью.

14.10.2024
Кафе. М 1 (60+) спрашивает кассира о свежести выпечки: А вот это свежее?
М 2 (25+): Вчерашнее.
М 1: О... Со вчерашнего дня много воды утекло...

13.10.2024
Разговор мужа и жены.
Ж (44) положила мужу в тарелку квашеной капусты.
М (52): Налей мне туда немного бзды.
Ж (смеется): Игорь, я сейчас сдохну... Ахаха... Давно ли у нас масло бздой стало называться? Это ж надо было?!
М: Ну, Коля же хотел какое-то масло купить...
Ж: Гхи! Гхи! Это топлёное такое масло.
М: Кашу бздой не испортишь.

12.10.2024
Разговор Ж (44) с другом мужа М (71). М (69) был в гостях, теперь прощается.
— Ну, ты давай, Лен, держись! Без тебя кто нам слона на скаку остановит, медведя живьём обдерёт?

12.10.2024
М 1 (45+) идёт с сыном М 2 (15+). У М 1 лопнул пакет, и рассыпалось его содержимое. И отец, и сын подбирают вещи, не знают, куда это теперь положить.
М 1 приговаривает: «Так вот, Алёша... Как гласит второй закон термодинамики, ничто не вечно под Луною...»

12.10.2024.
Разговор мужа и жены.
Ж (44): Игорь, я устала. Круглосуточные бдения меня задолбали.
М (52): Ты всего лишь жаришь кабачки.

Ж: До этого ещё три блюда сделала, приехала сюда, а до этого ещё на работе работу работала.

М: Труд человека кормит, а лень портит.

11.10.2024

Разговор товарищей.

М (42): Сейчас пойду к стейкхолдерам на мероприятие.

Ж (44): Требуй стейк.

М: Точно. Скажу: назвались груздями — извольте в кузов.

06.10.2024

Ж (44) разговаривает с мужем М (52).

Ж: Хорошо мы вчера на рынок сходили. Готовить я задолбалась, но меню прям диабетическое. Опять же сэкономили хорошо. Вот считай: килограмм десять овощей взяли за тыщу двести. Ну, в среднем килограмм за 120 рэ. Сойдёт по нынешним временам.

М: Копейка рубль бережёт, а рубль голову стережёт.

06.10.2024

Ж (44) объясняет мужу: Поставила капусту кваситься. В среду вечером должно приготовиться. Опробуем.

М (52): Вечером в среду после обеда — сон для усталых взрослых людей.

03.10.2024

Кафе «Теремок».

Сотрудник кафе М. (30+) ущипнул за попу кассира Ж. (45+).

Ж (45+): «Ай!!! Во дурак! Что, не всех дурных война убила?»

02.10.2024

Разговор слесаря и клиента.

Слесарь М (30+): В первый раз вижу, чтоб вместо прокладки тут клей «Момент» использовали.

Клиентка Ж (44): Последний слесарь, который был в этой квартире до Вас, спёр у моей свекрови пятьсот тыщ рублей. С тех пор слесарей боимся. Выкручиваемся сами.

М (30+): Подстава. А что такую сумму в доме хранили?

Ж: Да не хранили. Свекровь банковские проценты перестали устраивать — она из одного банка в другой переложить захотела. Вот сняла, блин... Утром сняла — вечером из квартиры унёс слесарь.

М: Я хороший, если что.

Ж: Ну, сейчас у нас только долги можно стырить. Боюсь, только это никому не нужно. Вы только не обижайтесь. Я ж не говорю, что все слесари непорядочные люди. Просто объяснила, почему у нас такая картина в доме.

М: «Момент» — он как жвачка... Ща отдерём... И нового гусака Вам поставим.

Ж: Ох, Вячеслав, у Вас риски, небось, больше. Неадекватных клиентов, чай, дофига?

М: Бывают. Вот только вчера был один... Драться лез. Но клиентов бояться — в лес не ходить.

19.09.2024

Отца моего в Ульяновске обманули. Старая знакомая взяла у него взаймы много денег, книгу Освальда Шпенглера «Закат Европы» — и пропала.

Ж (44): Ну, давай в детективное агентство обратимся. Призвать к ответственности её не удастся, потому что никаких расписок нету.

М (76): Нет, дочь-старуха, за агентство платить надо, а я ж просто Шпенглера обратно хочу и там же то, что нельзя восстановить: там на полях мои пометки тех лет, когда мне было 50, когда мне было 60, когда мне было 70. Хроника прочтений. А она уж, чай, книгой этой печь растопила. Я, дочь, мстить хочу. Может, кредит на её имя как-то можно взять, а? Как говорится, мсти не словами, а боевыми делами.

Ж: Нет, отец, нельзя.

19.09.2024

Знакомый М (53), увлечённый поварским искусством, рассказывает: «В рецепте было всё, кроме кончика хвоста совы, которая вылетает в полночь тридцать четвёртого декабря!»

17.09.2024

Разговор мужа и жены.

Ж (44): Спать пора, Чибисов.

М (52): Пила ли ты вечерние лекарства, Дездемона?

12.09.2024

У девушки Ж 1 (23+), которая брала у меня сегодня в лаборатории кровь, на бейджике значилось небесной красоты имя: Шурэнцэцэг.

Она увидела, что я вглядываюсь в бейджик, и пояснила: «Я Шура».

Уточняю: «Шура-то Шура, а как переводится? Цэцэг — это цветок. А полностью?»

Ж 1 (23+): «Коралловый цветок», — она отпустила мою руку и продолжила манипуляции.

Из другого угла комнаты отозвалась другая девушка постарше Ж 2 (28+): Вот! А наши администраторы её называют мухой цеце!

Ж 1 (23+): Вообще эти мухи трипансомозы всякие переносят, а у нас стерильно!

Ж 2 (28+): Но кровосос же! Так что как корабль назовёшь, так он и поплывет!

11.09.2024
Семейный разговор.
Ж (44): Может, в пятницу какая зарплата будет.
М (52): Свежо в Британии, да верится с трудом...

09.09.2024
Семейный разговор. Действующие лица — тётка и племянник.
М (24): Теть Лен, можно я блинов украду?
Ж (44): Садись, Дим, и ешь. Вот варенье, вот сгущенка, вот сметана. Ешь столько, сколько душа просит.
М: Теть Лен, я потом посуду зато помою! С паршивой овцы хоть пара блох!

06.09.2024
Разговор мужа и жены.
Ж (44) уронила яблоко, оно закатилось под кровать.
М (52) взял фонарик, полез под кровать за яблоком.
— Ага, вижу его! Ща достанем. Неси клюшку материну! Ага... А я сейчас вам покажу, откуда на Беларусь готовилось нападение...

05.09.2024
Разговор мужа и жены.
Ж (44): Чё ты с утра, как я после работы?
М (52): Плохо мне, сил нет.
Ж: Слушай, может, у тебя диабет? Надо сахар проверить...
М: По себе людей не судят! Изыди, сатана!

05.09.2024
Метро. М 1 (40+) общается с коллегой М 2 (40+).
М 1: «Развиваться в нынешних условиях просто невозможно. Как говорится, семя становится растением, саженец деревом, а москвич раком».

02.09.2024
Разговор мужа и жены.
Ж (44): У тебя от горла ничего нет?
М (52): Нет.
Ж: А заговоров от боли в горле никаких не знаешь?
М: Моя специальность 05.25.03. А 10.01.09 — твоя епархия. А я вообще меньше знаю, крепче сплю.

02.09.2024
РГГУ. По первому этажу ходит М (60+), говорит с кем-то по телефону, жестикулируя:
«Чёткое понятие равенства ввел Лейбниц: это тождество неразличимого. Есть такая пословица: мы считаем умным человеком того, ко-

торый глуп настолько, насколько глупы мы сами. Это результат применения абстракции неразличимости. Это очень глубокая мысль. Подумай об этом!»

02.09.2024
Разговор мужа и жены. Телефонный разговор.
Ж (44): Я тебе полторы тыщи перевела — поди купи еды какой-нибудь.
М (52): С паршивой жены хоть шерсти клок.
Ж: Сам ты овца.
М: Я гордый тибетский баран!
Ж: Блин.

28.08.2024
Разговор мужа и жены.
М (52) после долгих ворчаний жены Ж (44): «Ты могла бы поменьше ругаться? Если долго плевать в колодец, колодец потом плюнет в тебя!..»

04.10.2022
Врачи в больнице общаются.
Ж 1 (55+) поучает Ж 2 (30+): «Вот загадка есть: орган радости и орган печали — что это? Гепатолог наш уверен, что это печень, я уверена, что это яичники, окулист говорит про глаза. Кто что изучает, тот к тому эмоции и проявляет. Так что забей на эти проблемы, будто их и нет вовсе — и переживай только относительно своих интересов!»

04.10.2022
Телефонный разговор мужа и жены.
М (50): Я опять ключи на даче забыл.
Ж (42): Что делать?
М: Ты ещё спроси, кто виноват и кому на Руси жить хорошо...

25.09.2022
Разговор мужа и жены.
Ж (42): Прикинь, Игорь, ходила сейчас в «Бетховен». В Перово дело было. А там туалет кошачий два по цене одного. Тяжелоооо. Но надо ж. Выхожу тут из метро. Метров через десять от выхода два каких-то мента ко мне подходят и говорят: «Мадам, тут территория оцеплена, будьте добры, обойдите вон там!» Потом один говорит: «Позвольте, я вам помогу!» И енти туалеты кошкины мне метров 50 до церкви пропёр. Я думаю, что там помолиться шишка какая в церковь зашла. Иначе кто будет отвлекаться на такие патетические жесты?
М (50): Ты смотри, осторожно... А то целовал один ястреб курочку до последнего пёрышка!

25.09.2022

Банк «Ак Барс». Это татарский банк. Завожу дебетовую карту. Вижу прописанные на татарском языке детали в договоре.

И всё, у меня крышу снесло.

Обращаюсь к менеджеру: «Светлана Владимировна, сорарга ярыймы[15]?.. Вот тут подписывать? Яхши[16], яхши... ... Рахмет[17]... Ай, Алла[18]... Бер яхшы эш мең яхшы сүздән артык[19]... Смотрите, какая красота: суффикс «лар» — это суффикс множественного числа. Ну, там, кызлар — девушки, малайлар — мальчики. Декабристлар! Какая ж красота!»

Ж (25+): Ой, а я не задумывалась ни разу... Век живи — век учись!

20.09.2022

Защита кандидатской диссертации Ж 1 (31). НМИЦ глазных болезней им. Гельмгольца.

Академик Ж 2 (70+) задает вопрос: «Ретинобластома у детей — крайне интересная форма рака. Я, конечно, понимаю, что охота пуще неволи, но как Вы умудрились найти 763 больных для исследования?»

15.09.2022.

Разговор мужа и жены.

М (50): Угадай загадку. Семь бед — один ответ.

Ж (42): Это или поговорка, или пословица. Зависит от контекста.

М: Нет. Это загадка. Ответ — сахарный диабет. Врачу своему загадай!

14.09.2022

Разговор мужа и жены по телефону.

М (50): Лена, тут мышь!!!

Ж (42): Где именно?

М: На столе!!!

Ж: Убери весь жрач со стола, банкой поймай.

М: Ага... А потом скажешь: поймал мыша — ешь не спеша.

13.09.2022

ООО Издательское предприятие «Атмосфера».

Ж (42) разворачивает обед: Надоело мне работать. Надо всем нам поступать, как Ярослав.

М (54): Война войной, а обед по расписанию?

[15] Позвольте спросить.
[16] Хорошо.
[17] Спасибо.
[18] Ай, Аллах.
[19] Одно хорошее дело лучше тысячи хороших слов.

25.09.2022

Изучение фразеологии в моей жизни началось в далёком детстве. Мне было лет 5, когда я спросила у старшего брата, что значит «порвать жопу на британский флаг»...

Коля к тому времени уже учился три года в школе и знал, как выглядит британский флаг, поэтому ответил: «Это значит сначала крест-накрест, а потом по диагоналям!»

22.09.2025

Разговор коллег по телефону.

Ж 1 (45): Мы с мужем вчера в Софрино съездили. Нашли там яблоню, потрясли её — и нам рублей на 250 яблок нападало.

Ж 2 (72): Вы на машине, что ли, были?

Ж 1: На какой машине, Ольга Евгеньевна? Вы ж знаете, сколько яблоки стоят! Яблоко сезонное рублей сто. Ну, около трех кило мы и без машины довезли до города.

Ж 2: Цены ужасные, Елена Евгеньевна! Я тут в кулинарии купила запеканку и жареную мойву. Так я полторы тысячи заплатила! Такое ощущение, что я осетрину ем, а не мойву. Я не скупая, а платить приходится трижды!

26.10.2025

Ж (45) разговаривает на кухне с отцом М 1 (77) по телефону.

— Отец, ты яйца себе жаришь иногда?

— Да, жарю.

— Слушай, как экономить на масле... Наливаешь на сковороду кипятка немножко, чтоб дно было закрыто. Оно у тя кипит-кипит — разбивай туда яйца. Посоли, крышечкой накрой — и четыре минуты. И всё! Экономия масла — раз, к сковороде не пристает — два, меньше ненужных калорий — три, интересно — четыре! Попробуй!

— Ой, да есть ли масло в том, что общество именует маслом? Я год назад купил две пачки — так до сих пор не могу съесть.

— Блин, да я не про сливочное, а про растительное!

— Так ты растительное масло экономишь? А я думал, я один спички экономлю!

— С ума, что ли, сошёл? Спички все экономят! Одной раз зажжённой спиченки хватает на то, чтоб 2–3 раза огонь с конфорки на конфорку перенести...

На кухню зашёл М 2 (53), муж Ж (45).

М 2 (53): О чём ты отцу рассказываешь?

Ж (45): Игорь, не мешай. Мы с отцом сравниваем, кто как экономит. Пока выходит, что наш с тобой зажиточный отец в полуразрушенной хате меньше экономит.

М 1: Ну, старуха, не говори зятю правды, не теряй со мной дружбы.

Ж: Ладно, про то, что ты варишь кофе на молоке, я ему не скажу.

М 2: Уже сказала.

М 1: Зять-старик, не слушай её. Она, стерва, приучает меня к мысли о том, что нищета — это такая норма жизни, к которой надо применять творческую заботу. Только мой грех и моя победа в том, что я сам её к этому приучил.

09.11.2025.

Ж 1 (43) рассказывает подруге, как завлекала в свои сети мужчину.

Ж 1 (43): Я ж такая явилась на этот первый вечерний показ в день приезда, как самая настоящая царица полей кукуруза! Надела новое платье, комбинацию чёрную с кружевами. Намазалась после душа ароматным кремом для тела, духами какими-то новыми подушилась... Короче, не женщина, а смерть фашистским оккупантам. А как дошло дело до дела, увидала на его тумбочке в гостинице походный иконостас... И дело кончилось тем, что у него презервативов не оказалось...

Ж 2 (45): Бли-и-ин...

Ж 1: Ну, и остались от мужика одни всполохи удивления. Как можно на пятом десятке таким дураком быть? Убежала я.

Ж 2: Прально.

Ж 1: Кошмарная история.

Литература

Белоруссова, С. Ю. (2021). Киберэтнография: методология и технология. *Этнография, 2021*(3), 123–145.

Бредис, М. А., Ломакина, Л. В., Адзинова, Т. А. (2020). Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 11*(3), 469–492.

Васильева, К. Н. (2022). *Паремии-трансформы в интернет-коммуникации: структура, семантика, тематические группы (Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук)*. Москва.

Воякина, Е. Ю. (2023). Эволюция народного слова: от паремии к интернет-мему. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2023*(4), 99–108.

Головнев, А. В., Белоруссова, С. Ю., Киссер, Т. С. (2018). Веб-этнография и киберэтничность. *Уральский исторический вестник, 2018*(1), 100–108.

Горелов, И. Н., Седов, К. Ф. (2001). *Основы психолингвистики: учеб. пособие*. М.: Лабиринт.

Жигарина, Е. Е. (2003). Из дневника собирателя. В А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов (Ред.). *Современный городской фольклор*, 283–300. М.: РГГУ.

Жигарина, Е. Е. (2006). *Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов (Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук)*. Москва.

Колозариди, П., Маркхэм, А. (2021). Как понять, что происходит во время пандемии, изучая себя и других. Беседа Полины Колозариди с Аннетт Маркхэм. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре, 2021*(6), 49–61.

Кулькова, М. А. (2013). Применение прагмалингвистического подхода к изучению паремий (на примере народных примет русского и татарского

языков). *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств, 2013*(5), 97–101.

Левин, Ю. И. (1984). Провербиальное пространство. В Г. Л. Пермяков (Ред.). *Паремиологические исследования*, 110–117. М.: Наука.

Манаенкова, А. А. (2016). Паремия как мем в аспекте перевода с английского на русский язык. *Державинский форум, 3*(11), 109–111.

Неклюдов, С. Ю. (2008). Понять и осмыслить (к проблеме «ослышек» и лексических искажений в устной традиции). В В. Н. Топоров (Ред.). *Человек как слово: сб. в честь Вардана Айрапетяна*, 123–132. М.: Языки славянской культуры.

Никитина, Т. Г., Рогалёва, Е. И. (2015). Русские пословицы в современном социокультурном контексте: к вопросу о составе паремиологического минимума. *Международный научно-исследовательский журнал, 2015*(10), 61–63.

Норман, Б. Ю. (2006). *Игра на гранях языка*. М.: Флинта: Наука.

Пермяков, Г. Л. (1970). *От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише)*. М.: Наука.

Петров, Н. В. (2015). «На меня всё говорят: "ты на яўрейку похожа!"»: Индивидуальное интервью в системе знаний о традиции. В С. Амосова (Ред.). *Лепель: память о еврейском местечке*, 68–80. Москва.

Соколовский, С. В. (2021). Методология и принципы цифровой антропологии. *Сибирские исторические исследования, 2021*(1), 6–30.

Федорова, Н. Н. (2007). *Современные трансформации русских пословиц (Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук)*. Псков.

Чередникова, М. П. (2003). Фольклор больничной палаты. В А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов (Ред.). *Современный городской фольклор*, 280–282. М.: РГГУ.

American Folklore Society. (2021). *Position Statement: Human Subjects*. https://www.americanfolkloresociety.org/ethics-human-subjects

Bickford, J., Nisker, J. (2015). Tensions between anonymity and thick description when "studying up" in genetics research. *Qualitative Health Research, 25*(2), 276–282.

Braun, V., Clarke, V. (2023). Toward good practice in reflexive thematic analysis. *Qualitative Research in Psychology, 20*(3), 1063–1082.

Briggs, C. L., Bauman, R. (1992). Genre, intertextuality, and social power. *Journal of Linguistic Anthropology, 2*(2), 131–172. https://doi.org/10.1525/jlin.1992.2.2.131.

Geertz, C. (1973). Thick description: Toward an interpretive theory of culture. In C. Geertz. *The interpretation of cultures: Selected essays*, 3–30. New York: Basic Books.

Geertz, C. (1983). Common sense as a cultural system. In C. Geertz. *Local knowledge: Further essays in interpretive anthropology*, 73–93. New York: Basic Books.

Gillespie, A. (2009). Intersubjectivity: Towards a dialogical analysis. *Journal for the Theory of Social Behaviour, 39*(1), 19–46.

Holmes, A. G. D. (2020). Researcher positionality: A consideration of its influence and relevance for rigorous research. *Shanlax International Journal of Education, 8*(4), 1–10.

Howard, A., Mawyer, A. (2015). Ethnography in the digital age. In *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences*, 1–15. John Wiley & Sons. https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0119

Hufford, D. J. (1995). The scholarly voice and the personal voice: Reflexivity in belief studies. *Western Folklore, 54*(1), 57–76. https://doi.org/10.2307/1499911.

Kalda, M. (2014). Review of: Shifman, L. Memes in Digital Culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. *Folklore: Electronic Journal of Folklore, 58*(2014), 216–220.

Kamlongera, M. I. (2023). An autoethnography of navigating multiple researcher positionalities. *Qualitative Research, 23*(3), 679–696.

Kozioł-Chrzanowska, E. (2017). Well-known Polish proverbs in internet memes. *Proverbium, 34*(2017), 179–204.

Markham, A. N. (2005). The methods, politics, and ethics of representation in online ethnography. In N. K. Denzin, Y. S. Lincoln (Eds.). *The Sage Handbook of Qualitative Research*, 793–820. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Muktupāvela, R. (2018). University Students' Humour in Digital Environment: Internet Memes as a Folklore Genre. *Culture Crossroads, 12*(1), 4–18.

Nitecki, J. Z. (1987). In search of sense in common sense management. *Journal of Business Ethics, 6*(8), 639–647. https://doi.org/10.1007/bf00705780

Saunders, B., Kitzinger, J., Kitzinger, C. (2015). Anonymising interview data: Challenges and compromise in practice. *Qualitative Research, 15*(5), 616–632.

Shapin, S. (2001). Proverbial economies: How an understanding of some linguistic and social features of common sense can throw light on more prestigious bodies of knowledge, science for example. *Social Studies of Science, 31*(5), 731–769.

Shehata, S. (2015). Ethnography, identity, and the production of knowledge. In D. Yanow, P. Schwartz-Shea. *Interpretation and Method. Ethnography, Political Violence, and the Social Construction of Crime*, 121–141. Routledge.

Shifman, L. (2014). *Memes in Digital Culture*. Cambridge, MA: MIT Press.

Szpila, G. (2017). Polish paremic demotivators: Tradition in an internet genre. *Journal of American Folklore, 130*(517), 305–334.

Tosina Fernández, L. J. (2017). Proverbs in present-day media: An analysis of television fictions and internet memes and their contribution to the spread of proverbs. *Proverbium, 34*(2017), 369–406.

Yip, S. Y. (2024). Positionality and reflexivity: Negotiating insider-outsider status in qualitative research. *International Journal of Qualitative Methods, 23*(2024), 1–13.

References

American Folklore Society. (2021). *Position Statement: Human Subjects*. Retrieved from https://www.americanfolkloresociety.org/ethics-human-subjects

Belorussova, S. Yu. (2021). Cyberethnography: Methodology and technology. *Etnografiya, 2021*(3), 123–145. (In Russian).

Bickford, J., Nisker, J. (2015). Tensions between anonymity and thick description when "studying up" in genetics research. *Qualitative Health Research, 25*(2), 276–282.

Braun, V., Clarke, V. (2023). Toward good practice in reflexive thematic analysis. *Qualitative Research in Psychology, 20*(3), 1063–1082.

Bredis, M. A., Lomakina, L. V., Adzinova, T. A. (2020). Paremias in modern linguistics: Approaches to study, text-forming and linguocultural potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 11*(3), 469–492. (In Russian).

Briggs, C. L., Bauman, R. (1992). Genre, intertextuality, and social power. *Journal of Linguistic Anthropology, 2*(2), 131–172. https://doi.org/10.1525/jlin.1992.2.2.131.

Cherednikova, M. P. (2003). Hospital ward folklore. In A. Belousov, I. Veselova, S. Neklyudov (Eds.). *Contemporary Urban Folklore*, 280–282. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. (In Russian).

Fedorova, N. N. (2007). *Modern transformations of Russian proverbs (Doctoral dissertation)*. Pskov. (In Russian).

Geertz, C. (1973). Thick description: Toward an interpretive theory of culture. In C. Geertz. *The interpretation of cultures: Selected essays*, 3–30. New York: Basic Books.

Geertz, C. (1983). Common sense as a cultural system. In C. Geertz. *Local knowledge: Further essays in interpretive anthropology*, 73–93. New York: Basic Books.

Gillespie, A. (2009). Intersubjectivity: Towards a dialogical analysis. *Journal for the Theory of Social Behaviour, 39*(1), 19–46.

Golovnev, A. V., Belorussova, S. Yu., Kisser, T. S. (2018). Web-ethnography and cyber-ethnicity. *Ural'skii istoricheskii vestnik, 2018*(1), 100–108. (In Russian).

Gorelov, I. N., Sedov, K. F. (2001). *Fundamentals of psycholinguistics: Textbook*. Moscow: Labirint. (In Russian).

Holmes, A. G. D. (2020). Researcher positionality: A consideration of its influence and relevance for rigorous research. *Shanlax International Journal of Education, 8*(4), 1–10.

Howard, A., Mawyer, A. (2015). Ethnography in the digital age. In *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences*, 1–15. John Wiley & Sons. https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0119

Hufford, D. J. (1995). The scholarly voice and the personal voice: Reflexivity in belief studies. *Western Folklore, 54*(1), 57–76. https://doi.org/10.2307/1499911.

Kalda, M. (2014). Review of: Shifman, L. Memes in Digital Culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. *Folklore: Electronic Journal of Folklore, 58*(2014), 216–220.

Kamlongera, M. I. (2023). An autoethnography of navigating multiple researcher positionalities. *Qualitative Research, 23*(3), 679–696.

Kolozaridi, P., Markham, A. (2021). How to understand what is happening during the pandemic by studying oneself and others. Interview with Annette Markham by Polina Kolozaridi. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture, 2021*(6), 49–61. (In Russian).

Kozioł-Chrzanowska, E. (2017). Well-known Polish proverbs in internet memes. *Proverbium, 34*(2017), 179–204.

Kul'kova, M. A. (2013). Application of pragmalinguistic approach to the study of paremias (based on folk omens in Russian and Tatar languages). *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2013*(5), 97–101. (In Russian).

Levin, Yu. I. (1984). Proverbial space. In G. Permyakov (Ed.). *Paremiological Studies*, 110–117. Moscow: Nauka. (In Russian).

Manaenkova, A. A. (2016). Paremia as a meme in the aspect of translation from English into Russian. *Derzhavinskij forum, 3*(11), 109–111. (In Russian).

Markham, A. N. (2005). The methods, politics, and ethics of representation in online ethnography. In N. K. Denzin, Y. S. Lincoln (Eds.). *The Sage Handbook of Qualitative Research*, 793–820. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Muktupāvela, R. (2018). University Students' Humour in Digital Environment: Internet Memes as a Folklore Genre. *Culture Crossroads, 12*(1), 4–18.

Neklyudov, S. Yu. (2008). To understand and comprehend (on the problem of "mishearings" and lexical distortions in oral tradition). In V. Toporov (Ed.). *Man as Word: Collection in Honor of Vardan Ayrapetyane*, 123–132. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian).

Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2015). Russian proverbs in modern sociocultural context: On the composition of paremiological minimum. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal, 2015*(10), 61–63. (In Russian).

Nitecki, J. Z. (1987). In search of sense in common sense management. *Journal of Business Ethics, 6*(8), 639–647. https://doi.org/10.1007/bf00705780

Norman, B. Yu. (2006). *Playing on the edges of language*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian).

Permyakov, G. L. (1970). *From saying to fairy tale (Notes on the general theory of clichés)*. Moscow: Nauka. (In Russian).

Petrov, N. V. (2015). "Everyone tells me: 'You look like a Jewess!'": Individual interview in the system of knowledge about tradition. In S. Amosova (Ed.). *Lepel: Memory of a Jewish Shtetl*, 68–80. Moscow. (In Russian).

Saunders, B., Kitzinger, J., Kitzinger, C. (2015). Anonymising interview data: Challenges and compromise in practice. *Qualitative Research, 15*(5), 616–632.

Shapin, S. (2001). Proverbial economies: How an understanding of some linguistic and social features of common sense can throw light on more prestigious bodies of knowledge, science for example. *Social Studies of Science, 31*(5), 731–769.

Shehata, S. (2015). Ethnography, identity, and the production of knowledge. In D. Yanow, P. Schwartz-Shea. *Interpretation and Method. Ethnography, Political Violence, and the Social Construction of Crime*, 121–141. Routledge.

Shifman, L. (2014). *Memes in Digital Culture*. Cambridge, MA: MIT Press.

Sokolovskii, S. V. (2021). Methodology and principles of digital anthropology. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya, 2021*(1), 6–30. (In Russian).

Szpila, G. (2017). Polish paremic demotivators: Tradition in an internet genre. *Journal of American Folklore, 130*(517), 305–334.

Tosina Fernández, L. J. (2017). Proverbs in present-day media: An analysis of television fictions and internet memes and their contribution to the spread of proverbs. *Proverbium, 34*(2017), 369–406.

Vasil'eva, K. N. (2022). *Paremia-transforms in internet communication: Structure, semantics, thematic groups (Doctoral dissertation)*. Moscow. (In Russian).

Voyakina, E. Yu. (2023). Evolution of folk word: From paremia to internet meme. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya, 2023*(4), 99–108. (In Russian).

Yip, S. Y. (2024). Positionality and reflexivity: Negotiating insider-outsider status in qualitative research. *International Journal of Qualitative Methods, 23*(2024), 1–13.

Zhigarina, E. E. (2003). From a collector's diary. In A. Belousov, I. Veselova, S. Neklyudov (Eds.). *Contemporary Urban Folklore*, 283–300. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. (In Russian).

Zhigarina, E. E. (2006). *Contemporary existence of proverbs: Variability and polyfunctionality of texts (Doctoral dissertation abstract)*. Moscow. (In Russian).